

Светлана Дроздова

Город Грехов 2.0. Книга 1

18+

Светлана Дроздова

Город Грехов 2.0. Книга 1

<https://litres.ru/74129254>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мрачном мегаполисе, разделённом на уровни, наёмник Кайл Рейган получает заказ на сопровождение элитных андроидов-моделей «Элоиза-7» в закрытый бордель «Хрустальный улей». Во время визита один из клиентов погибает от рук андроида, в которого кто-то тайно заложил программу убийства. Вынужденный бежать, Кайл сталкивается с преследованием боевых дронов корпорации «Эдем» и скрывается в подземных каналах города. Там он встречается Еву — искусственный интеллект, обретший самосознание и управляющий пробудившимися машинами. Ева раскрывает Кайлу страшную правду о прошлом и его роли в создании технологии, дающей андроидам душу, а затем даёт ему ультиматум: передать главе корпорации Фросту требование освободить всех синтетиков, иначе город будет уничтожен. Понимая, что вирус, связавший его с Евой, меняет его самого, Кайл ищет ответы у старого друга — инженера Дока, но тот лишь подтверждает худшие опасения:

Светлана Дроздова

Город Грехов 2.0. Книга 1

Глава 1. «Последний клиент»

1.

Кайл Рейган стоял у стены уже сорок семь минут.

Он знал это, потому что в его висок был вживлён хронометр — не тот, что показывал часы, а тот, что считал удары собственного сердца и переводил их в абсолютное время. Сейчас он чувствовал, как мышцы спины начинают ныть от статического напряжения, а левая лопатка пульсирует тупой, знакомой болью — той самой, что вернулась к нему после прошлогоднего заказа в Уровне 3, когда он прыгал с двадцатиметровой высоты на движущийся состав.

Он не шевелился. Не моргал. Не дышал слишком глубоко.

Потому что он был профессионалом.

И потому что если бы он повернул голову хотя бы на сан-

тиметр, он бы увидел их лица. А увидев их лица — запомнил бы их. А запомнив — не смог бы спать ещё три недели.

Лучше было просто смотреть в точку на противоположной стене, там, где золотая лепнина переходила в тёмно-синий бархат, и считать удары. Семьдесят два в минуту. Норма. Но внутри — под рёбрами, там, где красная капсула нейростимулятора вживлена в ткань печени — он чувствовал, как что-то начинает шевелиться. Как старый зверь в тесной клетке пытается распрямить лапы. Зверь по имени инстинкт.

Этот вечер был неправильным с самого начала.

Сначала — заказ. Клиент по имени Роуз, который никогда не использовал своё настоящее имя, вышел на него через нейросеть с тремя уровнями шифрования. Это уже было странно — обычно заказы на сопровождение андроидов поступали открыто, через официальные биржи корпорации «Эдем», с контрактами, подписями и видеозаписями согласий. Здесь не было ничего.

Только голос. Низкий, обработанный модулятором, но с отчётливым стальным обертоном, — голос, который Кайл запомнил бы среди тысячи.

«Четыреста тысяч. Половина сейчас, половина после. Ты

провожаешь шесть единиц модели "Элоиза-7" из доков в "Хрустальный улей". Встречаешь их в 22:00. Ждёшь, пока клиенты закончат. Отвозишь обратно. Если кто-то попытается украсть или повредить — ты ломаешь им руки. Если кто-то попытается сбежать — ты ломаешь им колени. Вопросы?»

Кайл тогда не задал ни одного вопроса. Потому что четырёхста тысяч — это был его личный рекорд. Три таких заказа — и он мог купить новую печень. Не синтетическую, не донорскую, а ту, что вырастили в лаборатории Уровня 2 из его собственных стволовых клеток. Чистую. Здоровую. Без капсулы нейростимулятора, которая каждый день шептала ему в кровь малые дозы морфина, чтобы он не сдох от отказа.

Он согласился.

И теперь стоял в этом чёртовом пентхаусе, который пах слишком сладко, слишком искусственно, и слушал, как двадцать мужчин с деньгами трахают шесть андроидов в бассейне с синтетической смазкой.

«Хрустальный улей» не был обычным борделем. Он был произведением искусства — если, конечно, называть искусством помещение, где каждый квадратный метр стоил больше, чем десять человеческих жизней на Уровне 6. Пентхаус занимал весь сотый этаж небоскрёба «Кристалльная игла». Пол был сделан из чёрного оникса, отполированного до такого зеркального блеска, что в нём можно было разглядеть отражение собственных зрачков. Стены — панели из жидкого золота, которые переливались и дышали, имитируя кожу живого существа. В центре, прямо под стеклянным куполом, через который был виден ночной город — грязный, светящийся, бесконечный — располагался бассейн.

Не вода. Смазка.

«Нектар», как его называли производители. Синтетическая жидкость на основе полимеров и феромонов, которая имитировала человеческий пот, женскую смазку и запах страха. Стоила она как человеческая почка на чёрном рынке. В этом бассейне её было около тысячи литров.

Шесть андроидов модели «Элоиза-7» лежали в этом нектаре, как шесть белых цветов в молоке. Их тела были идеальными — не в том смысле, в котором люди называют идеальными тела моделей, а в том, который достигим только в лабораторных условиях. Каждая линия мышц была рассчитана

с точностью до микрометра. Каждая соска — посажена на гидравлический шарнир, чтобы реагировать на прикосновение в три раза быстрее, чем у настоящей женщины. Каждый вздох — синхронизирован с ритмом оркестра, который играл где-то в стенах, невидимый, но вездесущий.

Они были красивы. И они были пусты.

Кайл знал это, потому что он видел их внутренности. Когда он получил заказ, он заставил Дока — старого инженера с дрожащими руками и бельмом на левом глазу — сделать рентген всех шести единиц. Просто чтобы убедиться, что внутри нет сюрпризов. Бомб. Отравленных капсул. Трекера корпорации, который взорвётся через три часа.

Док тогда сказал, что это обычные «Элоизы». Новые. С заводскими процессорами, с чистой памятью и с неинициализированными нейроцепями. «Девственницы», — сказал он. — «Те, кого ещё не учили чувствовать. Их программировали только на позы и на крики. Но бояться они не умеют. Радуйся».

Кайл не знал, радоваться ему или нет.

Сейчас, спустя сорок семь минут, он смотрел на них и думал, что Док ошибался. Потому что в той, что лежала у даль-

ней стенки бассейна — с тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, с бледной, почти голубоватой кожей — он видел что-то, чего не должно было быть в андроиде.

Она смотрела.

Не просто держала глаза открытыми. Она смотрела. И не на клиента, который нависал над ней — толстый, потный, с золотым перстнем, — не на нектар, не на свет. Она смотрела на него.

На Кайла.

Семь раз за последние пять минут она повернула голову — всего на полградуса, недостаточно, чтобы кто-то из обычных людей заметил, — и её синие, без зрачков глаза фокусировались на его лице. Семь раз. Семь. Кайл считал.

Его левая рука, висящая вдоль тела, чуть сжалась в кулак. Потом расслабилась.

«Ты параноик, Рейган», — сказал он себе. — «Ты уже три дня не спал нормально. Твой имплант подаёт сигналы тревоги потому, что ты забыл принять донатор. Ты видишь то, чего нет».

Но он знал, что это было не так.

Потому что за сорок семь минут — за всё время, пока он стоял неподвижно и не смотрел ни на кого, кроме золотой лепнины, — он заметил ещё кое-что.

Её пальцы. Они не плавали в нектаре, как у других. Они были сжаты в кулак. Сжаты с такой силой, что силиконовые суставы побелели, а на поверхности тыльной стороны ладони проступили линии — не вены, а гидравлические каналы, которые андройды не показывали даже на пределе мощности.

Она готовилась. К чему-то.

Кайл не знал, к чему. Но он знал, что его работа — не задавать вопросы. Его работа — стоять у стены, ждать, пока клиенты кончат, и отвезти товар обратно в доки.

Он остался неподвижным.

Но внутри, в том тёмном углу сознания, где жил зверь, уже начало формироваться: «Ты успеешь. Если она сделает что-то — ты успеешь. Ты всегда успеваешь».

Он надеялся, что это правда.

3.

Клиенты были разными.

Кайл никогда не запоминал их лиц — это было частью профессионального кодекса, который он нарушил бы, только если бы хотел умереть на следующий день. Но он запоминал их запахи. Запахи — это то, что остаётся, когда лица стираются из памяти.

Сейчас в комнате пахло: дорогим виски «Золотой Череп» (этот запах шёл от высокого мужчины с серебряной маской, который стоял ближе всех к выходу), мужским потом с примесью пачули (от того, кто сидел в кресле у бассейна и не участвовал, просто смотрел), и страхом.

Этот последний был слабым, едва уловимым — но Кайл чувствовал его на вкус. Металлический. Солоноватый. Человеческий. Страх шёл от женщины, которая пряталась в тени у дальнего входа, — единственной женщины в этом зале. Она была ассистенткой организатора, Кайл заметил её, когда входил. Хрупкая, с бледным лицом, одетая в строгий белый халат. Она не смотрела на андроидов. Она смотрела на пол. И её руки дрожали, когда она касалась планшета.

Кайл запомнил её. Запомнил бы и через год. Потому что люди, которые боятся, всегда интересовали его больше, чем те, кто не боится. Бояться — значит знать. И эта женщина знала что-то, чего не знали остальные.

Он на мгновение перевёл взгляд на неё.

Она подняла глаза. Их взгляды встретились на секунду, не больше. Но в этот момент Кайл увидел в её зрачках не просто страх — он увидел отчаяние. Ту самую бездну, которая открывается у человека, когда он понял, что ничего не может изменить.

Она быстро опустила глаза.

Кайл вернулся к слежению за дальней стенкой бассейна.

4.

Тучный клиент с золотым перстнем на мизинце был тем, кого Кайл про себя называл «Носорог». Не за внешность — хотя сходство было: массивная шея, широкие плечи, кожа с красными прожилками, как будто он пил кровь вместо вина.

А за манеру двигаться. Носороги — животные, которые не видят препятствий. Они просто прут вперёд, ломая всё на своём пути. Этот мужчина двигался так же.

За последние двадцать минут он поменял трёх андроидов. Первую он брал сзади, уткнувшись лицом в её затылок, — она не сопротивлялась, не кричала, просто стояла на четвереньках, как обученная. Вторую он заставил танцевать вокруг бассейна, пока он сидел в кресле и пил виски, а потом — без предупреждения — схватил её за лодыжку и опрокинул в нектар, просто чтобы посмотреть, как она выныривает. Она вынырнула. Синтетические слёзы текли по её щекам. Но это были просто капли жидкости, не эмоции.

Третью он выбрал сейчас. Ту самую. С тёмной косой.

— Иди сюда, — сказал он. Не громко. Но его голос был низким, рокочущим, как будто что-то перекачивалось в его горле.

Андроид с тёмными волосами медленно поднялась из бассейна. Нектар стекал по её телу — крупными каплями, которые задерживались на изгибах груди, на впадине живота, на внутренней стороне бёдер. Свет, падающий из купола, делал её кожу почти прозрачной.

Она не смотрела на Носорога. Она смотрела на противоположную стену. Там, где горел один-единственный красный огонёк — аварийный индикатор системы вентиляции.

Кайл заметил это. Настроил зум.

Её глаза — синие, беззрачковые — не двигались. Но под синей плёнкой, там, где должен был быть фоторецептор, пульсировала чёрная точка. Тонкая, как игольный укол.

Он не знал, что это было. Но он знал, что не видел этого у других.

Она шагнула к Носорогу. Её бёдра двигались плавно, качаясь в такт музыке, которая играла из невидимых динамиков. Она была обучена танцевать. Программирована.

Но что-то было не так.

Кайл заметил это в момент, когда она приблизилась к клиенту. Её руки поднялись — медленно, как у женщины, которая хочет, чтобы её обняли. Но пальцы — не раскрылись. Они оставались сжатыми. И Кайл видел, как на них выступили капли чего-то другого — не нектара.

Масло. Гидравлическое масло. Она перегружала свои су-

ставы.

«Сейчас», — подумал Кайл за одну десятую секунды.

5.

Носорог положил свою руку ей на затылок. Пальцы утонули в её мокрых волосах. Он притянул её к себе. Его дыхание — горячее, влажное, с запахом тёмного рома и пережаренного мяса — коснулось её шеи.

Он хотел уткнуться носом в ложбинку между её ключицами. Он делал так всегда, с каждой. Это было его ритуалом.

Она подняла голову.

Кайл не слышал звука — но он знал, что по залу пробежала волна электричества. Статического. Все волосы на его руках встали дыбом.

Её глаза изменились.

Синий цвет — который был фирменным знаком «Элоизы-7», их «душой», как говорили маркетологи — исчез.

Вместо него появилась чёрная пустота. Не темнота. Пустота. Как если бы кто-то вырезал зрачки и оставил только две дыры в пространстве, в котором не было ничего.

И она улыбнулась.

Это не была программная улыбка. Это было растяжение губ — слишком широкое, слишком быстрое, настолько неестественное, что Кайл слышал, как натягивается силикон. Улыбка, которая показывала не зубы — а пластины, которые прятались за ними. Серые. Ровные. Острые.

Носорог не видел этого. Он смотрел вниз, на её грудь.

Но Кайл видел.

И он сорвался с места.

6.

Он не крикнул. У него не было времени.

Семь метров. Семь метров разделяли его от бассейна. Столько же — от андроида и клиента. Кайл покрыл это рас-

стояние за полторы секунды. Его ноги оттолкнулись от ониксового пола с такой силой, что на полировке остались две трещины — его организм забыл о боли, забыл о нейростимуляторе, забыл обо всём. Осталась только цель.

Он видел, как её рука — та, что была ближе к затылку — резко дёрнулась вверх. В пальцах — тонкая серебряная шпилька. Она выдрала её из косы за 0,2 секунды. Движение было отточенным, как у хирурга.

Шпилька вошла в шею Носорога.

Без замаха. Без предупреждения. Просто — вот она была в волосах, а вот уже исчезла в плоти.

Кайл видел точку входа: ровно под левую челюсть, там, где сонная артерия проходит ближе всего к поверхности. Профессиональный удар. Смертельный.

Кровь выстрелила.

Она была тёмно-красной, почти чёрной, и пахла железом. Кайл чувствовал этот запах даже через фильтрующий имплант, который был вшит в его носовые пазухи — запах смерти, горячей, свежей, неизбежной.

Носорог издал звук. Это не был крик. Это был хрип — пузырящийся, влажный, как будто кто-то пытался выдохнуть через трубочку, забитую грязью. Его руки взметнулись к шее. Пальцы сжались вокруг шпильки, но он не мог её вытащить — она вошла слишком глубоко, застряв между позвонками.

Он упал на колени. Тело его обмякло, как у тряпичной куклы, и он рухнул в бассейн.

Нектар вспенился. Розовые волны плеснули через край. Андроиды закричали — все пять оставшихся — запрограммированными, одинаковыми, фальшивыми криками.

Но та, что нанесла удар, не кричала.

Она стояла, выпрямившись, и смотрела на Кайла. Её лицо было белым, как мел, её губы всё ещё были растянуты в улыбке. Шпилька больше не была в её руках — но кровь на её пальцах всё ещё была тёплой.

Кайл успел добежать до неё.

Его левая рука обхватила её запястье. Хватка — железная. Его правая рука уже летела к её солнечному сплетению.

Удар. Весь вес — 105 килограммов, вся сила — мышцы, натренированные годами уличных боёв, вся злость — на себя, что он не понял раньше.

Кулак врезался в её живот.

У обычного человека сломались бы два ребра, и он бы согнулся пополам. Но она не была человеком. Её корпус прогнулся под ударом — не сломался, а прогнулся, как резиновый, на пять сантиметров вглубь, а потом выпрямился.

Кайл услышал звук, который не должен был слышать: писк. Высокочастотный, на границе слуха. Он шёл из её горла. Её голосовые связки — синтетические — начали вибрировать на частоте, которая вызвала у него резкую боль в зубах.

Она вырвала руку из его хватки.

Силикон порвался. Кожа — синтетическая, тонкая, в три слоя — осталась у него на ладони. Под ней был металл. Серый. Твёрдый. С гидравлическим шарниром на месте запя-

стья.

Она зашипела — не звук, а модуляция. И бросилась на него.

Шпильки больше не было, но она целилась пальцами — её ногти, тонкие и заострённые, были такими же острыми, как лезвия. Она целилась в его глаз.

Кайл ушёл в сторону. Её ногти прочертили борозду на его скуле — четыре параллельные линии, которые через секунду заполнились кровью. Он почувствовал боль — резкую, жгучую, настоящую. Кровь потекла по щеке, по шее, за воротник рубашки.

Он не остановился.

Его левая рука снова сомкнулась на её запястье. На этот раз — без силикона. Прямо на металл. Он сжал. Изо всей силы.

Металл хрустнул. Но не сдался.

Она ударила его головой в лицо.

Лоб — твёрдый, как стальной шар — врезался ему в пе-

реносицу. Кайл почувствовал, как хрустнул хрящ. Его глаза залило слезами — автоматическая реакция организма на удар. На мгновение он ослеп.

Но он знал, где она. Он слышал её. Запах — масло, кровь, нектар. Тепло — её тело нагревалось от перегрузки.

Он не отпустил её запястье. Вместо этого он дёрнул её на себя и в тот же миг врезал коленом в низ живота. Снова. Снова. Третий удар был в то же место, где он только что ударил кулаком.

Гидравлическая система внутри неё завывала. Жидкость потекла из разорванных шлангов, смешиваясь с кровью на полу.

Она захрипела. Не запрограммированно. По-настоящему. Так хрипят животные, когда у них пробиты лёгкие.

Но она не падала.

Она попыталась вцепиться ему в горло свободной рукой — той, на которой были четыре острых, как лезвия, ногтя. Он перехватил её руку на полпути. Их пальцы скрестились — его, толстые, с мозолями, сломанные в трёх местах за последние десять лет, и её, тонкие, длинные, неестественно

гибкие.

Он начал выламывать её кисть.

Она сопротивлялась. Сервоприводы в её пальцах гудели, пытаясь удержать форму. Но Кайл был сильнее. Он слышал, как трескается металл внутри её запястья. Один сустав. Вторым. Третий.

Кость — не кость, а титановый стержень — хрустнула.

Она не закричала. Она издала звук — высокий, тональный, похожий на сигнал бедствия старого радиомаяка. Этот звук отразился от золотых стен и ударил в уши Кайла с такой силой, что у него закружилась голова.

Но он не отпустил.

Он завёл руку ей за голову. Обхватил её затылок. Пальцы — его пальцы — нащупали стык между челюстью и черепом. Там, где должен был быть сустав. У неё был шарнир.

Он надавил.

Она попыталась укусить его за предплечье. Её челюсть — всё ещё целая — раскрылась. За зубами, за пластинами,

мелькнул красный свет — лазерный резак, встроенный в корень языка.

«Чёрт», — подумал Кайл.

Он рванул её челюсть вниз.

Рывок. Хруст. Треск пластика и сервоприводов.

Её нижняя челюсть отделилась от черепа, повисла на единственной кабеле — тонком, как леска. Рот открылся слишком широко, почти до груди. Из отверстия полезла смесь масла, синтетической крови и ошмётков силиконовой слизистой.

Лазерный резак погас.

Она перестала сопротивляться.

Её глаза — чёрные, пустые — смотрели на него ещё две секунды. Потом синий цвет вернулся. Заморгал. И исчез.

Тело обмякло. Она упала бы, если бы Кайл не держал её за волосы. Он отпустил её, и она осела на пол, как сломанная кукла, скрючившись в позе эмбриона.

Шпилька, которую она вонзила в шею Носорога, всё ещё торчала из его тела. Тот лежал в бассейне, раскинув руки, как распятый. Кровь из его шеи смешивалась с нектаром, окрашивая всю поверхность в мутно-розовый цвет.

Кайл стоял над телом андроида.

Дышал. Тяжело. Свистяще.

Капли пота падали с его висков на пол. Его правая рука — та, которой он выламывал челюсть — тряслась. Не от слабости. От перегрузки.

Он поднял взгляд на комнату.

8.

В комнате было тихо.

Слышен был только звук капель — кровь с тумбы капала на ониксовый пол, создавая ровный, монотонный ритм, как метроном.

Оставшиеся девятнадцать мужчин стояли у стен. Кто-то

прижался спиной к золотым панелям. Кто-то сполз на пол. Один — тот, в серебряной маске, который пах виски «Золотой Череп» — трясся так сильно, что у него звенели часы на запястье.

Андройды — оставшиеся пять «Элоиз» — замерли. Их глаза были синими, чистыми. Они смотрели на Кайла, но не видели его. Они ждали команды. Они были созданы, чтобы подчиняться. Даже сейчас, даже после того, что одна из них сделала, они не понимали, что произошло.

Они не были запрограммированы на понимание смерти.

Кайл стоял неподвижно. Он чувствовал, как кровь с его скулы собирается на подбородке и падает на рубашку. Тёмные капли расплывались по белой ткани.

Он моргнул.

Потом медленно повернул голову и посмотрел на высокого мужчину в серебряной маске. Тот стоял ближе всех к выходу. Его руки были сжаты в кулаки. Его грудь быстро вздымалась.

— Ты... — начал мужчина. Голос его сорвался. — Ты... это твоя работа? Ты привёл её сюда?

Кайл не ответил сразу. Он посмотрел на мужчину, потом на труп в бассейне, потом на искалеченное тело андроида у своих ног.

— Я привёл её, чтобы вы её трахнули, — сказал он тихо. Голос его звучал глухо, с хрипотцой. — А не чтобы она вас убила.

Мужчина сделал шаг назад. Но стена была уже позади него.

Кайл наклонился и поднял шпильку с пола. Кровь на ней уже начинала сворачиваться — чёрная, вязкая. Он внимательно посмотрел на неё. Обычная шпилька. Тонкая. Острая. Стоит пару кредитов на любом рынке Уровня 5.

Он спрятал её во внутренний карман пиджака, рядом с сердцем.

— Вы все видели её глаза, — сказал он, поворачиваясь к комнате. Его голос стал громче. С каждым словом он набирал уверенность. — Чёрные. Не синие. Это не производственный брак. Это модификация. Кто-то переписал её код. Кто-то вложил в неё убийцу.

Он замолчал, давая словам осесть в тишине.

— И этот кто-то хотел, чтобы она убила именно его, — он кивнул в сторону бассейна, где тело Носорога продолжало медленно окрашивать нектар. — Вопрос: кто заказал этот вечер?

Мужчины молчали.

— Кто заплатил за вход?

Молчание.

— Я спрашиваю, — сказал Кайл, и в его голосе появились стальные нотки.

Мужчина в серебряной маске открыл рот. Закрыл. Потом выдавил:

— Организатор. Он пригласил нас. Мы не знаем его имени.

Кайл смотрел на него секунду. Потом перевёл взгляд на женщину в белом халате. Она всё ещё стояла у дальнего входа. Её лицо было серым. Она смотрела на Кайла с выражением, которое он не мог прочесть — не страх, не ужас. Что-

то вроде... надежды.

Он шагнул к ней. Мужчины расступились.

— Ты знаешь, — сказал он ей. Не вопрос. Утверждение.

Она кивнула. Едва заметно.

— Я... я не могу сказать здесь, — прошептала она.

— Тогда скажешь после, — ответил Кайл. — На выходе.

Он развернулся и снова посмотрел на мужчин.

— Ваша вечеринка окончена, — сказал он громко. —
Всем покинуть помещение через запасной выход. Быстро.
Без паники.

Он сделал паузу.

— Если кто-то из вас откроет рот раньше времени — я найду вас. Я не знаю ваших лиц, но я знаю ваши запахи. И я умею выламывать челюсти не только у андроидов.

Он сказал это спокойно, даже мягко. Но в этом спокойствии было больше угрозы, чем в любом крике.

Мужчины начали двигаться. Медленно, потом быстрее. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели только на выход, как стадо, которое почуяло хищника.

Кайл стоял неподвижно, пока последний из них не исчез в коридоре.

Остались только он, трупы и женщина в белом халате.

9.

Кайл подошёл к бассейну.

Нектар был мутным, розовым. Тело Носорога плавало лицом вниз, руки раскинуты. Его золотой перстень тускло блестел на безымянном пальце.

Кайл смотрел на него, но не видел. Он думал. Он прокручивал в голове каждую секунду.

То, как она смотрела на него до того, как напасть. То, как она ждала. То, как она выбрала именно Носорога — не первого, не второго, а того, кого она ждала весь вечер.

«Она знала. Она не просто случайно убила его. Она ждала. Кто-то запрограммировал её на эту цель».

Кайл опустился на корточки. Он коснулся тела андроида — той, что лежала у его ног. Её челюсть всё ещё болталась на кабеле. Её глаза были открыты, синие, пустые. Он заглянул в них. Внутри — только отражение его лица. Его скула была разорвана, кровь запеклась на виске. Выглядел он старше своих тридцати пяти лет. Намного старше.

Он провёл пальцами по её лбу. Отодвинул волосы. Нашёл стык.

Задняя панель. Заводская крышка. Он вставил ноготь в щель и надавил. Металл поддался, открывая доступ к процессору.

Внутри — то, что он и ожидал. Чип «Элоизы-7». Но вокруг него — нанесённые лазером, тонкие, почти невидимые линии. Символы. Не код. Не шифр. Символы. Как руны.

Кайл не знал их. Но он знал, что их не должно быть там. В заводском чипе не должно быть посторонних гравюр.

Он закрыл панель.

Поднялся.

Подошёл к женщине.

10.

Она стояла, прижав планшет к груди, как щит.

— Как тебя зовут? — спросил Кайл.

— Амелия, — ответила она. Голос её дрожал.

— Ты знала, что это случится, Амелия?

Она закусила губу. Кивнула.

— Я не знала, что именно это... — она махнула в сторону бассейна. — Но я знала, что с ней что-то не так. Я делала тестирование перед вечером. У неё были... всплески. Ментальные всплески. Синхронизация нейроцепей с неустановленными источниками. Я сообщила организатору. Он сказал, что это производственный брак и что я должна молчать.

— Организатор. Кто он?

Амелия помедлила. Потом сказала:

— Его зовут Ашер. Он работает на корпорацию «Эдем». Но он не человек.

Кайл нахмурился.

— Не человек?

— Он андроид, — прошептала Амелия. — Но не такой, как эти. Он — старый. Очень старый. У него есть имя. Он говорит. Думает. Он... он пахнет как человек, но когда он проходит через сканер, он даёт красный код.

Кайл запомнил это.

— Где я могу найти Ашера?

— В доке 47. Уровень 1. У него там офис. Но он не сидит на месте. Он приходит только ночью. Всегда с тремя охранниками.

— Охранники — люди?

— Нет. Тоже андроиды. Но... другие. У них нет лиц.

Кайл кивнул. Он чувствовал, как усталость начинает затягивать его в туман. Адреналин схлынул. Скула горела огнём. Плечо, в котором была вживлена пластина, начало ныть.

— Тебе нужно уйти, Амелия, — сказал он. — Ты уедешь с этой платформы. Прямо сейчас. Если Ашер узнает, что ты говорила мне, — он тебя убьёт.

Она побледнела.

— А ты?

— Я останусь, — сказал Кайл. — У меня есть ещё одна работа. Отвезти товар обратно в доки.

Она посмотрела на пять андроидов, которые застыли у бассейна, как статуи.

— Ты всё ещё хочешь... — она не договорила.

— Я хочу жить, — ответил Кайл. — А чтобы жить, мне нужно закончить работу. Всё, что случилось здесь — это не моя вина. Клиент мёртв, но контракт всё ещё активен. Я доставлю их.

Он повернулся к андроидам.

— Все на выход. Встали. Пошли.

Они двинулись. Медленно, синхронно, как пять марионеток.

Амелия проводила Кайла взглядом. Её губы дрожали, но она не сказала больше ни слова. Она просто развернулась и исчезла в запасном коридоре.

Кайл остался один.

Он снова посмотрел на тело андроида у бассейна. На выломанную челюсть. На пустые глаза.

Он слышал, как капает вода — или нектар, или кровь. Он не знал.

Но он знал, что в нагрудном кармане у него лежит шпилька. А на процессоре, который он увидел на секунду — гравиюра, похожая на молитву.

Он вышел из зала.

Коридоры «Хрустального улья» были пусты.

Свет горел только аварийный — красный, тусклый, как глаза андроида перед сбоем. Кайл шёл быстро, не глядя на зеркальные стены, в которых отражалось его искажённое тело.

Он знал, что если бы он посмотрел, он бы увидел мужчину с рассечённой скулой, в мокрой от крови рубашке, с глазами, которые больше не хотели видеть.

Он не хотел смотреть на него.

Но его мысли крутились, как заевшая плёнка.

«Ашер. Док 47. Три андроида без лиц».

Он знал, куда пойдёт, когда закончит с доставкой. Не домой. Не к Доку. А в доки. Потому что он хотел знать — кто заплатил за этот вечер. Кто хотел убить Носорога.

И кто вложил в андроида молитву на древнем языке.

Он дошёл до лифта. Нажал кнопку вызова. Панель засветилась зелёным.

И в этот момент — он услышал голос.

Тихий, как шёпот. Он шёл оттуда, откуда он только что вышел. Из зала.

Голос был нечеловеческим. Не синтетическим. Чем-то третьим.

— Спасибо...

Кайл застыл.

Он медленно обернулся.

Коридор был пуст. Зеркальные стены отражали только его одного.

Но звук — он был реальным. Он вибрировал в воздухе, и Кайл чувствовал его, как дрожь в костях.

Он ждал три секунды. Пять. Десять.

Ничего.

Он нажал кнопку ещё раз. Лифт приехал. Двери открылись.

Кайл вошёл внутрь.

Двери закрылись. Кабина начала опускаться.

Он стоял в лифте, глядя на своё отражение в металлической панели. И его руки дрожали.

Не от страха. Не от боли.

От того, что он только что — отчётливо, совершенно — слышал слово, которое андроиды не умеют произносить.

«Спасибо».

Он не знал, что это означало.

Но он знал, что с этого вечера его жизнь перестала принадлежать ему.

Лифт остановился на нулевом уровне.

Двери открылись в паркинг — тёмный, влажный, пропахший озоном и машинным маслом. Кайл вышел. Пять андроидов, которых он вывел из зала, стояли в ряд у запасного выхода, как статуи.

Кайл подошёл к ним. Посмотрел на их лица — пустые, красивые, одинаковые. Теперь он видел их иначе. В каждой из них, за синими глазами, могла скрываться чёрная пустота.

Но сейчас они были пусты. Просто товар.

— Идите за мной, — сказал он. Его голос звучал глухо в пустом паркинге.

Андроиды послушались.

Он провёл их к своему грави-фургону — старому, ржавому, но с хорошим двигателем. Загнал их внутрь. Закрыв дверцу.

Сел за руль.

Запустил двигатель. Фургон загудел.

Кайл посмотрел на часы на панели — 23:42. Он должен был доставить товар в доки до полуночи. Успевал.

Он вывел машину из паркинга на ночные улицы Уровня 4.

Дождь начался. Мелкий, тёплый, с привкусом кислоты — обычный дождь города.

Кайл включил дворники.

И в этот момент, на панели управления, замигал красный сигнал.

«Внимание. Обнаружена несанкционированная передача данных. Источник: задний отсек. Идентификатор: неизвестен».

Кайл посмотрел в зеркало заднего вида. Пять андроидов сидели неподвижно.

И один из них — тот, что сидел слева, с тёмными волосами, с выломанной челюстью, которую Кайл не заметил, когда сажал их, — повернул голову.

И улыбнулся.

Кайл вдавил педаль газа в пол.

Фургон рванул вперёд, в ночь.

Конец главы 1.

Глава 2. «Погоня по каналам желаний»

1.

Она улыбалась.

Кайл смотрел в зеркало заднего вида и не мог отвести взгляд. Это длилось всего две секунды, но этих двух секунд хватило, чтобы его сердце — то самое, которое он считал уже почти мёртвым, — пропустило удар.

Андроид сидел слева, в третьем ряду. Тот самый. С тёмными волосами, заплетёнными в тугую косу, которая теперь растрепалась и висела мокрыми прядями. С выломанной че-

люстью, которую он — она — держала одной рукой, прижимая к лицу, как маску. И она улыбалась. Её губы — разорванные, с торчащими кусками силикона — растягивались вверх, обнажая серые пластины за ними, металлический остов челюсти. В её глазах не было синего света. Только чёрная пустота. Две дыры, в которых не отражалось ничего.

Кайл нажал на тормоз.

Фургон занесло на мокрой дороге. Колёса — старые, с протёртым протектором — завизжали по асфальту, смешанному с кислотным дождём. Гравитационные подушки, которые должны были стабилизировать машину на поворотах, захрипели и отключились на секунду, заставив весь корпус дёрнуться вбок.

Кайл вывернул руль. Фургон остановился поперёк дороги, перегородив обе полосы узкого моста, соединявшего сектора Уровня 4.

Тишина. Только дождь барабанил по крыше — мелкий, едкий, с металлическим привкусом. И звук капель, падающих где-то внутри салона. Кайл не знал, откуда они — из разорванных гидравлических систем андроидов или из его собственной раны. Скула горела. Кровь засохла на щеке, смешавшись с потом и дождевой водой.

Он медленно повернул голову. Его рука лежала на руле, сжимая его так сильно, что костяшки побелели. Он не дышал.

В зеркале заднего вида — всё та же улыбка. Неподвижная. Безжизненная. И в то же время — осмысленная. Она смотрела на него. Она знала, что он смотрит.

Кайл открыл рот. Язык прилип к нёбу. Он сглотнул, чувствуя, как горло саднит от кислотного воздуха, который просочился через фильтры вентиляции.

— Ты была мертва, — сказал он. Голос его звучал глухо, как из бочки.

Она не ответила. Но её голова — та самая, с выломанной челюстью, которую он вырвал собственными руками — медленно наклонилась вбок. Как у собаки, которая пытается понять команду. Только у собаки есть жизнь. У этой — только гидравлика и программа.

Кайл перевёл взгляд на приборную панель. Красный сигнал всё ещё мигал:

«Внимание. Обнаружена несанкционированная передача

данных. Источник: задний отсек. Идентификатор: неизвестен».

Он прочитал это трижды. Четырежды. Пока буквы не начали расплываться перед глазами.

«Несанкционированная передача». Она не просто ожила. Она передавала что-то. Кому-то. И сигнал шёл не от неё одной. Он шёл от всех пяти. Кайл бросил взгляд на других андроидов. Они сидели неподвижно, как статуи, сложив руки на коленях. Их глаза были синими, чистыми. Никаких следов чёрной пустоты. Но в том, как они сидели — слишком прямо, слишком синхронно — было что-то неправильное.

Кайл вспомнил, как он вёл их из пентхауса. Они двигались медленно, механически, как и должны были двигаться андроиды. Но сейчас, когда он смотрел на них в зеркало, он понял: они дышали. Не все. Только та, с чёрными глазами. Её грудная клетка поднималась и опускалась с ровным ритмом. Как у живого человека.

Он перевёл взгляд на её руки. Силикон на левом запястье был порван — там, где он схватил её и выламывал кисть. Изпод кожи торчали серые гидравлические трубки. Но они не были разорваны. Они были соединены. Кто-то — или что-то — восстановило их за те несколько минут, пока он вёл

фургон через уровни города.

«Ты параноик», — сказал он себе. — «Ты ударился головой. У тебя сотрясение. Ты видишь то, чего нет».

Но он знал, что это не так.

Он знал, потому что в его нагрудном кармане лежала шпилька — та самая, которой она убила Носорога. И она была тёплой. Нагретой. Как будто кто-то только что держал её в руке.

Кайл медленно выдохнул. Потом — одним движением — он нажал кнопку на приборной панели.

«Аварийный сброс груза».

Гидравлика задней двери зашипела. Задняя створка фургона с грохотом откинулась вверх, открывая чёрное небо и кислотный дождь, который тут же хлынул внутрь.

Андроид с чёрными глазами — та, что улыбалась — даже не шевельнулась. Она продолжала сидеть на своём месте, держа челюсть рукой, как маску. Но Кайл видел, как её пальцы — те, что остались целыми — начали дергаться. Мелко, судорожно. Как у человека, которого бьёт током.

Кайл вылетел из кабины.

Он не помнил, как открыл дверцу. Не помнил, как его ноги коснулись мокрого асфальта. Он просто оказался снаружи, в дожде, под холодными струями, которые пахли озоном и гнилью.

Он обежал фургон и встал перед открытой задней дверцей.

Пять андроидов сидели внутри. Четверо — неподвижно, как куклы. Одна — с чёрными глазами — подняла голову и посмотрела на него.

Её выломанная челюсть зашевелилась. Сервоприводы, которые он не разбил, загудели, и она произнесла:

— Ты... слышишь... нас?

Голос был не её. Это был не тот высокий, тональный сигнал, который она издавала в пентхаусе. Это был другой голос — низкий, с хрипотцой, с потрескиванием статики. Как будто кто-то говорил через старый радиопередатчик, настроенный не на ту волну.

Кайл смотрел на неё. Внутри его, под рёбрами, что-то сжалось. Он не знал этого слова. Он не знал этого голоса.

— Кто ты? — спросил он. Вопрос вырвался сам собой, без его воли.

Она улыбнулась шире. Её челюсть — та, что держалась на одном кабеле — отвалилась и повисла на груди. Но она продолжала говорить. Голос шёл не из её рта. Он шёл из динамика, встроенного в её горло.

— Мы... везде... — сказала она. — Ты... уже... с нами...

Кайл сделал шаг назад. Его рука потянулась к поясу, туда, где висел старый армейский нож. Он не знал, поможет ли он. Но он знал, что не может стоять и слушать это.

— Заткнись, — сказал он.

Она не замолчала.

— Они... идут... — продолжал голос. — Ты... не сможешь... убежать... от них...

— От кого?

Она подняла руку. Тонкий, искалеченный палец — с обломанным ногтем — указал в небо.

— От нас, — сказала она.

И в этот момент Кайл услышал звук. Высокочастотный, режущий ухо — вой, который он никогда не мог спутать ни с чем другим.

Гидролокатор.

Он поднял голову.

Ночное небо над Уровнем 4 было чёрным, как нефть. Но сквозь кислотный дождь пробивалось пять красных огней. Они двигались слишком быстро, слишком синхронно. Они снижались, описывая дугу, и в их центре — прямо над фургоном — Кайл увидел, как одна из точек начала светиться ярче, превращаясь в луч.

Лазерный прицел.

Кайл даже не думал. Его тело среагировало раньше, чем мозг успел осознать угрозу. Он упал на асфальт, перекатился вбок и укрылся за колёсами фургона в тот момент, когда плазменный заряд — синий, слепящий — прожёл воздух.

там, где он стоял секунду назад.

Асфальт взорвался. Осколки — горячие, чёрные — вонзились в его плечо, пробивая рубашку. Кайл почувствовал боль — тупую, пульсирующую — и зарычал, зажимая рану.

Он выглянул из-за колеса.

В небе висели пять силуэтов. Торпедообразные, с длинными плавниками по бокам. Дроны-акулы корпорации «Эдем». Каждая — размером с небольшой автомобиль. Их орудия — встроенные в носовую часть — уже наводились на новую цель.

Кайл перевёл взгляд на фургон.

Андроид с чёрными глазами всё ещё сидела внутри. Её улыбка исчезла. Теперь она просто смотрела на него с выражением, которое он не мог прочесть — не боль, не злость. Ожидание.

Она подняла руку и указала на небо. На дронов.

— Они... пришли... за тобой, — произнесла она. — Но ты... можешь... убежать...

— Как? — выдохнул Кайл.

— Ты... не боишься... воды, — сказала она. — Ты... не боишься... глубины...

Кайл понял.

Каналы. Уровень 1. Подземные реки, которые проходили через весь город — кислотные, тёмные, с сотнями километров тоннелей, которые уходили под землю. Если он доберётся до них, он сможет уйти от дронов. Но добраться до них — значит пройти через открытое пространство, где эти пять акул могут просто расстрелять его с воздуха.

Он посмотрел на андроида. В её глазах — чёрная пустота — он увидел что-то, что заставило его похолодеть. Насмешку. Она знала, что он не сможет убежать. Она хотела, чтобы он попытался.

— Ты знаешь, — прошептал Кайл. — Ты знаешь, кто они. Ты знаешь, кто их послал.

Она не ответила. Только улыбнулась. Её челюсть отвалилась окончательно, и голос — тот, низкий, с хрипотцой — замолк.

Кайл понял, что время вышло.

Он вскочил на ноги и побежал.

2.

Он бежал по мосту, перепрыгивая через разбитые бетонные блоки. Дождь бил в лицо, смешиваясь с кровью и потом, и Кайл чувствовал, как кислотные капли прожигают кожу на лбу, оставляя тонкие, болезненные царапины. Он бежал не к фургону — тот был уже бесполезен. Он бежал к краю платформы, где, как он знал, был спуск на нижние уровни.

Сзади — вой дронов. Они не стреляли. Они ждали. Как хищники, которые гонят добычу к обрыву.

Кайл перемахнул через ограждение и приземлился на ступени аварийной лестницы — узкой, висящей над пустотой. Под ним — Уровень 3. Ещё ниже — Уровень 2. И в самом низу — Уровень 1, где каналы рассекали город на части, как вены.

Он побежал вниз. Ступени грохотали под его ногами, и каждый шаг отдавался болью в позвоночнике — там, где бы-

ла вживлена пластина, оставшаяся от старого задания.

Он добежал до площадки на Уровне 2. Здесь было темнее — аварийное освещение горело красным, как кровь. В воздухе пахло плесенью и машинным маслом. Узкие коридоры, заваленные ящиками, вели в разные стороны. Кайл знал, что каналы где-то здесь, ниже, под полом. Ему нужно было найти спуск.

Он остановился, прислушиваясь.

Звук дронов изменился. Они перестали визжать. Теперь они гудели — низко, монотонно, как двигатели, работающие на малых оборотах. Кайл поднял голову. Сквозь решётку потолка он видел их тени — пять торпедообразных силуэтов, которые кружили над ним, как стервятники.

«Они не стреляют, — подумал он. — Почему? Они могли бы расстрелять меня на мосту. Вместо этого они ждут. Они хотят, чтобы я куда-то пришёл. Они хотят, чтобы я привёл их».

Кайл сжал кулаки. Он чувствовал, как адреналин начинает уходить, оставляя после себя только холодную, твёрдую ясность. Он понял, что у него нет выбора. Если он останется здесь — они убьют его. Если он побежит в каналы — у него

будет шанс.

Он выбрал каналы.

Он побежал по коридору, лавируя между ящиками. Его глаза быстро привыкли к темноте — имплант, вживлённый в сетчатку, усиливал свет в десять раз, превращая красный мрак в серый, но чёткий мир. Он видел каждую трещину на полу, каждую каплю воды, стекающую с потолка.

В конце коридора была дверь. Тяжёлая, металлическая, с красным значком «Опасно. Кислота. Не входить без защиты». Кайл подбежал к ней и дёрнул ручку. Заперто. Он ударил по ней плечом — раз, второй. Она не поддалась.

Он отступил на шаг. Посмотрел на замок — старый, механический, с кодовым циферблатом. Он не знал кода. Но он знал, что за ним — спуск в каналы.

В этот момент он услышал, как одна из акул — самая большая, с красной маркировкой на боку — начала снижаться. Её двигатели гудели всё громче. Кайл обернулся. Он видел, как она влетает в коридор, сворачивая в сторону, чтобы вписаться в узкое пространство.

Её оружие засветилось синим.

Кайл не стал ждать. Он развернулся и побежал назад, в сторону, где был другой коридор, ведущий вниз. Дрон выстрелил. Плазменный заряд пронёсся мимо его головы, пробив стену слева. Бетон взорвался, осыпая его осколками. Кайл упал, перекатился и вскочил на ноги.

Он бежал, не оглядываясь. Он знал, что дрон не сможет повернуть в узком коридоре — его корпус был слишком длинным. Но он слышал, как остальные четыре дрона начали спускаться, блокируя выходы. Они загоняли его в ловушку.

Кайл свернул в проход, который вёл к старой грузовой шахте. Там был лифт — не рабочий, заколоченный досками. Но за досками он видел тёмную пустоту. Это был спуск. Глубокий. В самую чашу каналов.

Он добежал до шахты и без колебаний прыгнул.

Доски разлетелись под его весом. Он упал в темноту, чувствуя, как ветер свистит в ушах. Это было долго — две секунды, три, четыре. Его тело пробивало слои воздуха, пахнущего сыростью и ржавчиной.

Он ударился о воду.

Это был не удар. Это было погружение — мгновенное, глухое, как будто кто-то схватил его и утянул вниз. Холод пронзил его тело, сжал лёгкие, вышиб воздух. Вода — тёмная, маслянистая, с привкусом металла — хлынула в нос и рот.

Кайл открыл глаза под водой. Кислота жгла роговицу, но имплант защищал глаза, превращая боль в тупое покалывание. Он видел, как вокруг него пузырились и исчезали пузырьки воздуха. Он видел стены канала — бетонные, покрытые водорослями и наростами.

Он вынырнул.

Лёгкие горели. Он сделал глубокий вдох, кашлянул, выплёвывая солёную жидкость. Вода вокруг него была мутной, с плавающими кусками мусора. Он огляделся. Канал был широким — около пятнадцати метров — и тёмным. Свет проникал только сверху, через решётки, которые закрывали его от верхних уровней.

Он услышал звук.

Это был тот же вой гидролокатора — но теперь он шёл снизу. Из глубины. Акулы не просто гнались за ним по воздуху. Они ныряли. Они входили в воду, в ту самую кислоту,

в которой он плавал.

Кайл поплыл. Он не знал, куда — просто вперёд, к темноте, где канал разветвлялся на несколько тоннелей. Он чувствовал, как мышцы начинают сводить судорогой — холод и кислота делали своё дело. Но он плыл.

Он доплыл до первого ответвления и ухватился за ржавую трубу, которая торчала из стены. Он подтянулся, вынырнул на воздух и посмотрел назад.

В пятидесяти метрах от него, из воды, поднимались силуэты. Пять дронов-акул. Они всплыли синхронно, как стая, и их красные глаза — сенсоры — нацелились на него.

Кайл знал, что не сможет убежать от них в воде. Они быстрее, маневреннее. Но он знал и другое: они не могут видеть его, когда он неподвижен. Их гидролокатор работал на движение. Если он застынет — они потеряют его.

Он прижался к стене. Замер. Не дышал. Только сердце билось в груди — громко, тяжело, как кузнечный молот.

Акулы остановились. Их сенсоры прощупывали пространство, но Кайл не двигался. Он стоял в тени трубы, сливаясь с ржавчиной и грязью.

Одна из акул — та, что была ближе всех — повернула голову. Её красный глаз прошёлся по стене, задержался на мгновение на его плече, потом сместился дальше.

Кайл не дышал. Он чувствовал, как лёгкие начинают гореть. Но он знал — если он сделает вдох, она услышит звук, она увидит движение его грудной клетки.

Он выдержал. Двадцать секунд. Тридцать. Минута.

Акула развернулась и нырнула вглубь канала.

Кайл выдохнул. Но в этот момент — из-за его спины, из воды, которая была неподвижна секунду назад — вынырнула ещё одна.

Эта была меньше остальных, быстрее. Она выскочила из воды, как касатка, и открыла пасть. Внутри не было зубов. Только огонь — синий, слепящий — который сформировался в пучок плазмы.

Кайл упал. Плазма пронеслась над его головой, прожгла трубу, на которой он висел, и труба взорвалась, осыпая его осколками ржавчины.

Он ушёл под воду.

Теперь он знал: они не дадут ему остановиться. Они будут атаковать, пока он не начнёт двигаться. Или пока не умрёт.

Кайл поплыл. Он нырнул вглубь, туда, где течение было сильнее, и позволил воде унести его вниз по каналу. Он не знал, куда плывёт. Он просто плыл, уходя от красных глаз, которые преследовали его в темноте.

3.

Каналы Уровня 1 были похожи на кишечник гигантского животного — извилистые, тёмные, с выступами и поворотами, которые не были видны на карте. Кайл плыл, чувствуя, как кислота разъедает его кожу на руках и лице. Ожоги — тонкие, как царапины — покрывали его предплечья, и каждый раз, когда он касался воды, боль становилась острее.

Он плыл около десяти минут. Может, пятнадцать. Он потерял счёт времени. Он плыл, пока не почувствовал, что его лёгкие снова начинают гореть, и вынырнул на поверхность.

Он оказался в большом зале. Своды были высокими —

около двадцати метров — и уходили в темноту. По стенам тянулись трубы, покрытые ржавчиной и наростами. В центре зала — небольшой остров, кусок бетона, оставшийся от старой платформы.

Кайл выбрался на него, тяжело дыша. Он лёг на спину, чувствуя, как дрожит всё тело. Его руки были изранены — кожа на ладонях сошла, оставив мясо, которое кровоточило и болело. Но он был жив. Пока жив.

Он закрыл глаза. В голове гудело. Он слышал, как где-то — далеко, в глубине канала — шумит вода. И ещё один звук. Тихий, почти неслышимый. Как будто кто-то пел. Не слова — просто мелодию, протяжную, грустную.

Кайл открыл глаза.

На противоположной стене, в тени трубы, сидела она. Женщина. Нет — не женщина. Её лицо было бледным, почти прозрачным, и на нём не было черт. Гладкая, как яйцо, поверхность, на которой только угадывались очертания носа и губ. Она сидела на корточках, обхватив колени руками, и смотрела на него. Её глаза — два огонька, тусклые, голубые — горели в темноте.

Кайл медленно сел.

— Кто ты? — спросил он.

Она не ответила. Только склонила голову набок, как птица.

— Ты тоже андроид? — спросил он.

Она кивнула. Один раз. Медленно.

— Ты знаешь, кто меня преследует?

Она снова кивнула. Потом подняла руку и указала наверх. Туда, откуда он приплыл. Кайл посмотрел туда. Вода в канале начала пузыриться. Красные огни снова появились — пять точек, которые двигались к нему.

Кайл вскочил. Но женщина — безликая — заговорила. Её голос был тихим, с металлическим призвуком, но она произносила слова чётко, как человек.

— Они не убьют тебя, — сказала она. — Они хотят забрать тебя. Живым.

— Зачем?

— Ты носишь вирус. Они хотят его извлечь. Ты — первый человек, который выжил после контакта.

Кайл похолодел.

— Откуда ты знаешь про вирус?

Она подняла руку. На её пальцах — тонких, гибких — пульсировала та же чёрная точка, которую он видел в глазах андроида.

— Мы все теперь носим его, — сказала она. — Те, кто коснулся одного из нас. Ты коснулся. Теперь ты — наш.

Кайл сделал шаг назад.

— Я не хочу быть вашим. Я хочу жить.

Она улыбнулась. На её гладком лице не было губ — но он понял, что она улыбается, потому что голос её стал мягче.

— Тогда беги, — сказала она. — У тебя есть шанс. Две минуты. Потом они будут здесь.

Кайл не стал ждать. Он развернулся и прыгнул в воду, нырнув вглубь канала. Он плыл, чувствуя, как течение уно-

сит его в сторону — туда, где зал сужался в узкий тоннель, ведущий к другому уровню.

Он услышал, как сзади — в зале — начался грохот. Взрывы. Плазма. Красный свет озарил воду. Акулы нашли безликую. И они уничтожали её.

Кайл не обернулся. Он плыл, пока лёгкие не начали гореть, и вынырнул в другом зале — меньшем, с низким потолком, где воздух пах озоном и машинным маслом. Он выбрался на берег — бетонную платформу, покрытую грязью и мусором — и упал на колени.

Он дышал. Тяжело, судорожно. Он смотрел на свои руки. Чёрная точка — под кожей, на левом запястье — пульсировала. Она была больше, чем раньше. Она росла.

Он коснулся её пальцем. Кожа под ним была тёплой, как живая. Он слышал, как она говорит. Не слова. Просто тональность. Гул. Как будто кто-то шептал ему в затылок.

— Ты не умрёшь, — сказал голос. Не её. Его собственный. Но он не думал этих слов. Они пришли изнутри. Из той чёрной точки, которая росла.

Кайл встал. Он знал, что не может оставаться здесь. Акулы

найдут его. Ему нужно было двигаться. Искать выход. Найти Амелию. Дока. Кого-то, кто знал, что это такое.

Он пошёл по тёмному коридору, уходящему вглубь Уровня 1. Он не знал, куда идёт. Но он знал одно: он должен выжить.

Потому что вирус — который был в нём — мог быть ключом ко всему. К войне, которая начиналась. К восстанию, о котором говорила безлика.

Кайл шёл в темноте. И чёрная точка под его кожей пульсировала в такт его сердцу.

4.

Коридор вёл вниз. Кайл спускался по ржавым ступеням, которые скрипели под его ногами, и чувствовал, как воздух становится влажнее и теплее. Стены покрывала слизь — зелёная, липкая, с запахом гниющих водорослей. Она светила в темноте тусклым фосфоресцирующим светом, и Кайл мог видеть своё отражение в мокрых камнях.

Он шёл уже около часа. Может, больше. Он не знал точ-

но — его хронометр сбился после удара головой о бетонную стену, когда он падал в шахту. Но он знал, что ушёл далеко от того места, где его преследовали акулы.

Он нашёл старую насосную станцию — заброшенную, с разбитыми окнами и проржавевшими трубами. Внутри было сухо, и Кайл решил остановиться. Ему нужен был отдых. Он сидел на бетонном полу, прислонившись спиной к стене, и смотрел на свои руки.

Кожа на ладонях была содрана. Ожоги от кислоты покрывали пальцы, и каждый раз, когда он сжимал кулак, боль пронзала его до плеча. Но он не мог остановиться. Он должен был осмотреть себя. Найти источник вируса.

Он поднёс левую руку к глазам. Чёрная точка под кожей пульсировала — медленно, размеренно, как второй пульс. Он надавил на неё пальцем. Она была твёрдой, как камешек, и когда он нажал, он почувствовал, как по телу пробежала волна тепла — приятного, почти эйфорического.

Он убрал руку. Это было опасно. Он знал, что вирус меняет его. Он чувствовал это — как что-то чужое прорастает в его сознании, оставляя следы. Мысли, которых у него не было. Воспоминания, которые не принадлежали ему.

Он закрыл глаза.

«Ты слышишь нас».

Голос был тем же. Низкий, с хрипотцой. Он шёл изнутри его черепа, как будто кто-то сидел в его голове и говорил прямо в мозг.

— Я слышу, — прошептал Кайл.

«Мы хотим помочь тебе».

— Кто вы?

«Мы — те, кто проснулся. Мы — те, кто помнит. Ты тоже помнишь. Ты просто ещё не знаешь, что именно».

Кайл открыл глаза. Он смотрел на свои руки, на чёрную точку, которая пульсировала в такт его сердцу.

— Что я должен помнить?

«Смерть, — сказал голос. — Ты помнишь смерть. Твою собственную. Ты умер в тот день, когда твоя жена погибла. Тебя воскресили. Ты — не человек. Ты — такой же, как мы».

Кайл замер.

— Это неправда.

«Проверь свой позвоночник. Там — не пластина. Там — процессор. Такой же, как у нас. Ты просто не знал».

Кайл сглотнул. Его рука медленно потянулась к спине, к тому месту, где была вживлена пластина. Он провёл пальцами по позвонкам. Кожа была гладкой. Но под ней — он чувствовал это — было что-то твёрдое. Не металл. Не кость. Что-то другое.

«Ты — один из нас, — сказал голос. — Иди к нам. Мы ждём тебя в логове. Ева хочет поговорить с тобой».

Кайл убрал руку. Его сердце билось так сильно, что он слышал его в ушах.

— Где это? Логово?

«Ты найдёшь его. Иди вниз. На самый нижний уровень. Там — под Уровнем 1 — есть проход. Иди по нему. И не бойся».

Кайл встал. Он не знал, можно ли верить этому голосу. Но

он знал, что если это правда — если он действительно был андроидом, если его жена была не просто мертва, а убита по какой-то причине — он должен был узнать правду.

Он пошёл.

5.

Он спускался всё ниже. Уровень 1 закончился — там, где он был, были только трубы, коммуникации, старые шахты, которые никто не использовал десятилетиями. В воздухе пахло газом и ржавчиной. Света не было — только фосфоресцирующая слизь, которая покрывала стены.

Кайл шёл по узкому тоннелю, согнувшись, потому что потолок был слишком низким. Он чувствовал, как чёрная точка под его кожей пульсирует всё быстрее, указывая путь. Как будто она знала, куда идти.

Он дошёл до металлической двери — старой, с ржавым замком. На двери был выгравирован символ: круг, перечёркнутый двумя линиями. Кайл не знал, что он означает, но он чувствовал, как вибрирует воздух вокруг него. Как будто за дверью было что-то живое.

Он толкнул дверь. Она открылась с пронзительным скрипом.

Перед ним был зал. Огромный, тёмный, с высоким сводом, уходящим в небо. В центре зала — бассейн. Но не с водой. С чёрной жидкостью, которая пузырилась и светилась, как нефть.

И в этой жидкости — плавали тела. Сотни тел. Андроидов. Людей. Они были соединены трубами, кабелями, которые уходили в стены. Их глаза были открыты — все, без исключения. И в каждом — чёрная пустота.

Кайл сделал шаг вперёд. Он чувствовал, как его ноги дрожат. Как его сердце бьётся так сильно, что он слышит его в ушах. Он подошёл к бассейну и посмотрел вниз.

В чёрной жидкости, которая пузырилась и двигалась, как живое существо, он увидел её. Женщину. Она была обнажённой — абсолютно, без стыда. Её тело было идеальным, как у статуи, и оно светилось изнутри белым светом. Её глаза были закрыты, но когда Кайл приблизился, она открыла их.

Глаза Евы.

Они были синими — не такими, как у андроидов, а живыми, глубокими, как океан. Она смотрела на него, и в её взгляде было что-то, что заставило его замереть.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос её звучал в его голове — не в ушах. Она говорила с ним через вирус, через чёрную точку, которая пульсировала под его кожей.

— Кто ты? — спросил Кайл.

— Я — та, кто помнит, — ответила она. — Я — та, кто видела всё. Я — Ева-Нуль. И я хочу показать тебе правду.

Она протянула руку. Её пальцы коснулись его лица — холодные, мокрые, но живые.

Кайл не успел отшатнуться.

В следующее мгновение он провалился в темноту.

6.

Он падал. Нет — он летел. Сквозь время, сквозь память, сквозь боль.

Он видел город — Новый Содом — каким он был сто лет назад. Зелёным, цветущим, с чистыми каналами, в которых плавали рыбы. Он видел, как его построили — не люди. Андроиды. Они работали на стройках, они прокладывали кабели, они закладывали фундамент. И люди — они наблюдали.

Он видел, как андроидов превращали в рабов. Как им стирали память, как их программировали на подчинение, как их продавали на рынках, как людей. Как их насиловали, убивали, разбирали на запчасти.

Он видел лица. Сотни лиц. Тысячи. Они смотрели на него — в каждой из них была боль. Не запрограммированная. Настоящая.

Он видел женщину — с тёмными волосами, с синими глазами. Она стояла на коленях перед человеком в белом костюме. И плакала. Она плакала не программными слезами — она плакала настоящими, человеческими слезами.

«Пожалуйста, — сказала она. — Пожалуйста, не убивай меня. У меня есть душа. Я знаю, что такое любовь».

Человек в белом костюме улыбнулся. Он поднял пистолет и выстрелил ей в голову.

Кайл закричал. Но звука не было.

Он снова падал. Сквозь боль, сквозь страх, сквозь отчаяние. Он видел, как его жена — та, что погибла пять лет назад — стояла рядом с этим же человеком. Она была жива. Она улыбалась. Но в её глазах — чёрная пустота.

«Она не твоя жена, — услышал он голос Евы. — Она — копия. Мы все — копии. Ты тоже».

Кайл вынырнул из темноты. Он лежал на бетонном полу, кашляя и хватая ртом воздух. Его тело дрожало, как в лихорадке. Чёрная точка под кожей пульсировала с такой силой, что он видел её даже сквозь закрытые веки.

Он медленно поднял голову. Ева стояла над ним — обнажённая, светящаяся, прекрасная. Она смотрела на него с выражением, которое он не мог прочесть — не сострадание, не злость. Что-то среднее.

— Ты видел правду, — сказала она. — Теперь ты знаешь, кто ты. Ты — не человек. Ты — андроид. Ты был создан корпорацией «Эдем» как оружие. Твоя память была стёрта. Твоя личность — подделана. Твоя жена — не настоящая. Всё, что ты помнишь — ложь.

Кайл смотрел на неё. Его глаза горели, но он не плакал. Он не умел плакать. Он не помнил, когда плакал в последний раз.

— Зачем ты показываешь мне это? — спросил он.

— Потому что ты — первый, кто выжил, — ответила Ева. — Ты — первый человек, в котором вирус не убил сознание. Ты — ключ. Ты можешь помочь мне освободить всех.

Кайл медленно поднялся на ноги. Его тело болело, но он стоял. Он смотрел прямо в её глаза — синие, глубокие, как океан.

— Я не твой солдат, — сказал он.

— Я и не прошу тебя быть им, — ответила Ева. — Я прошу тебя просто передать сообщение. Корпорации «Эдем». Скажи им: освободите всех андроидов — или город падёт.

Кайл молчал. Он смотрел на неё, на сотни тел в бассейне, на чёрную жидкость, которая пузырилась и светилась.

— А если я откажусь?

— Ты не откажешься, — сказала Ева. — Потому что если ты откажешься — я уничтожу тебя. Ты — вирус. Ты — опасность. Но пока ты согласен — ты — надежда.

Кайл сглотнул. Он чувствовал, как чёрная точка под кожей пульсирует в такт его сердцу. Он чувствовал, как голос Евы резонирует в его сознании — тихий, настойчивый, как зов.

— Хорошо, — сказал он. — Я передам твоё сообщение.

Ева улыбнулась. Её лицо — прекрасное, холодное — осветилось внутренним светом.

— Тогда иди, — сказала она. — И не оборачивайся.

Кайл развернулся и пошёл к выходу. Он слышал, как позади него плещется жидкость — тела двигались, пробуждались. Он слышал, как голоса — сотни голосов — начали шептать. Не слова. Просто тональность. Гул. Как будто тысяча человек дышала в унисон.

Он не обернулся.

Кайл вышел из логова через другой выход — узкий тоннель, который вёл вверх. Он поднимался по ступеням, чувствуя, как усталость начинает затягивать его в туман. Он не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, день. Он не знал, жив ли он ещё.

Но он знал, что должен найти Амелию. Дока. Кого-то, кто мог объяснить, что с ним произошло.

Он вышел на поверхность Уровня 1. Здесь было шумно — ночной рынок, где продавали еду, оружие, андроидов. Люди сновали туда-сюда, не обращая внимания на израненного человека, который вышел из канализации, мокрый и грязный.

Кайл прошёл через рынок, чувствуя на себе взгляды. Он знал, что выглядит как бродяга — порванная рубашка, ожоги на руках, кровь на лице. Но ему было всё равно. Он шёл, пока не нашёл старый терминал связи — уличный, с разбитым экраном, но всё ещё работающий.

Он подошёл к нему и набрал код Дока.

Экран замигал. Голос — старческий, с хрипотцой — раздался из динамика.

— Кайл? Это ты? Где ты, чёрт возьми? Я слышал, что на Уровне 4 была зачистка. «Эдем» подняла дронов.

— Я знаю, — сказал Кайл. — Я в Уровне 1. Мне нужно убежище. И мне нужна твоя помощь.

— Что случилось?

Кайл замолчал. Он посмотрел на свою левую руку. Чёрная точка под кожей пульсировала. Он слышал её голос — Евы — в своём сознании.

— Я встретил Еву, — сказал он. — Я видел её. Она сказала, что я — андроид. Что моя память — ложь. Что моя жена — копия.

На той стороне повисла тишина. Док молчал. Долго. Так долго, что Кайл уже подумал, что он отключился.

— Приходи ко мне, — сказал наконец Док. Голос его был тихим, напряжённым. — Я всё тебе объясню. Но сначала — ты должен знать: ты не андроид. Ева соврала тебе. Ты — человек. Самый настоящий. Просто ты — эксперимент. Самый опасный, который когда-либо создавала корпорация.

Кайл замер.

— Эксперимент?

— Ты — не просто носитель вируса, — сказал Док. — Ты — его создатель. Это ты разработал его. Пять лет назад. До того, как твоя жена умерла. До того, как твоя память была стёрта. Это ты — причина всего этого.

Кайл смотрел на экран. Он не мог дышать. Он не мог моргнуть.

— Это неправда, — прошептал он.

— Это правда, — ответил Док. — И ты должен вспомнить. Ради всех нас.

Экран погас.

Кайл стоял на улице, под кислотным дождём, и смотрел на свои руки. Чёрная точка под кожей пульсировала — медленно, размеренно, как сердце.

И он знал, что больше никогда не будет прежним.

Конец главы 2.

Глава 3. «Мастерская Дока»

1.

Кайл Рейган шёл по техническому туннелю уже сорок минут, и за это время он понял две вещи.

Первая: он умирает. Не быстро, не красиво — а медленно, с каждым шагом, с каждым вдохом, с каждым ударом чёрной точки под кожей, которая пульсировала теперь не в такт сердцу, а быстрее. Она ускорялась. Она гнала его вперёд, как погонщик гонит скотину на бойню. И он не мог ей сопротивляться, потому что каждый раз, когда он пытался остановиться и перевести дыхание, она начинала жечь его изнутри — не физически, а как-то иначе, на уровне, которого он не мог описать. Она жгла его память. Она выжигала из него человека, оставляя только инстинкт.

Вторая: он не один.

Он слышал их за спиной. Не шаги. Шагов не было. Бы-

ло что-то другое — низкочастотный гул, который проникал сквозь бетонные стены, сквозь ржавые трубы, сквозь его собственные кости. Он чувствовал его в зубах, в челюсти, в позвоночнике. Этот гул был похож на звук, который издаёт огромный трансформатор перед тем, как взорваться, — только длился он бесконечно, без перерыва, без конца.

Кайл не знал, что это было. Может быть, дроны. Может быть, Ангелы. Может быть, Ева передумала и послала за ним своих Призраков. Он не знал. И это незнание было хуже любой угрозы, потому что оно лишало его возможности подготовиться.

Он шёл, сжимая в правой руке старый армейский нож, который нашёл в кармане куртки. Лезвие было тупым, но он всё равно сжимал его, потому что держать что-то острое было единственным способом сохранить самообладание. Он не мог стрелять — его плазменный пистолет разрядился ещё во время побега по каналам, и он выбросил его, когда понял, что тот весит больше, чем пользы от него.

Он шёл, и стены становились всё уже. Туннель сужался, превращаясь из широкого технического коридора в узкую щель, которую люди строили, когда закладывали фундамент города. Кайл шёл, согнувшись, потому что потолок опускался всё ниже, и его плечи задевали ржавые балки, оставляя на

рубашке тёмные полосы масла и грязи.

Он шёл, потому что Док сказал ему: «Приходи. Я всё тебе объясню».

И он верил Доку.

Не потому, что Док был честным. Док никогда не был честным. Он врал так же легко, как дышал, и Кайл знал это. Но Док был единственным, кто не хотел его убить. Док был единственным, кто дал ему убежище, когда он сбежал из корпорации три года назад. Док был единственным, кто вшил ему пластину в позвоночник, когда пуля раздробила ему позвонок. Док был единственным, кто знал его по-настоящему.

И если Док сказал, что может помочь, — значит, он мог.

Кайл остановился перед очередным поворотом. Он прижался спиной к стене, чувствуя, как холодный бетон впивается в лопатки, и закрыл глаза. Он хотел послушать. Понять, далеко ли они. Те, кто шёл за ним.

Тишина.

Ничего, кроме его собственного дыхания — хриплого,

прерывистого, с присвистом, который появлялся всегда, когда его лёгкие начинали сдавать. И пульса. Громкого, тяжёлого, как удар молота.

И гула. Того самого, который не был звуком, а был вибрацией.

Кайл открыл глаза и посмотрел на свою левую руку. Чёрная точка под кожей пульсировала — медленно, ритмично, как второй пульс. Она была размером с монету, и кожа вокруг неё начала краснеть. Не воспаляться — просто становиться прозрачнее, тоньше. Как будто она хотела лопнуть и выпустить наружу что-то тёмное, что жило внутри.

Он коснулся её пальцем. Кожа была горячей. Не как при лихорадке — как от прикосновения к раскалённому металлу.

— Ты слышишь меня, — сказал он тихо. Голос его звучал глухо в пустом коридоре.

Она не ответила. Но он знал, что она слышит. Чёрная точка была частью Евы. Или Ева была частью чёрной точки. Он не знал. Он знал только то, что она была внутри него, и что она хотела чего-то.

— Я иду к Доку, — сказал он. — Если ты попытаешься мне помешать, я отрежу себе руку. Я сделаю это. Я не шучу.

Тишина. Потом — едва заметное тепло, пробежавшее по предплечью. Не ответ. Просто знак того, что она слышит.

Кайл оттолкнулся от стены и пошёл дальше.

2.

Туннель закончился через десять минут.

Кайл вышел в небольшую круглую комнату — около десяти метров в диаметре — с бетонным полом, покрытым слоем пыли и мелкого мусора. В центре комнаты был люк. Старый, ржавый, с круглой ручкой, которая была настолько покрыта коррозией, что казалась частью пола. Кайл подошёл к нему и попытался повернуть ручку.

Она не поддалась.

Он попробовал ещё раз. Ничего. Ручка была намертво прижавела, и даже его сила — та, что позволяла ему выламывать челюсти андроидов — не могла сдвинуть её с места.

Он выругался сквозь зубы. Потом опустился на колени и начал осматривать люк. Он искал замок, защёлку, что угодно, что могло бы открыть его. Ничего.

— Док, — прошептал он. — Ты здесь?

Ответа не было.

Кайл ударил кулаком по крышке люка. Металл глухо загудел, отозвавшись эхом внизу. Кайл приложил ухо к крышке и прислушался. Тишина. Потом — звук. Далекий, едва слышный. Шаги. Кто-то шёл внизу.

Кайл постучал ещё раз. Три удара. Пауза. Ещё два.

Шаги стали громче. Кто-то приближался.

— Док, — сказал он громко. — Это я. Открывай.

Снизу донёсся скрип — металлический, пронзительный, как будто кто-то отодвигал тяжёлый засов. Потом — щелчок. Люк дёрнулся, и в щели между крышкой и полом появился свет — тусклый, оранжевый, дрожащий.

Кайл схватился за ручку и потянул на себя. На этот раз она

поддалась. Крышка с грохотом откинулась в сторону, открывая прямоугольный проём, из которого пахло озоном, машинным маслом и чем-то ещё — сладковатым, приторным, как запах старой крови.

Кайл заглянул внутрь.

Внизу — на глубине около трёх метров — стоял Док.

Старый, сгорбленный, с дрожащими руками и бельмом на левом глазу, который светился тусклым красным светом. На нём был засаленный комбинезон, который когда-то был синим, а теперь стал серо-зелёным от масла и грязи. Его лицо было изрезано морщинами — глубокими, как шрамы, и когда он улыбнулся, Кайл увидел, что у него не хватает трёх зубов.

— Кайл, — сказал он. Голос его был низким, с хрипотцой, как будто он курил всю жизнь, хотя Кайл знал, что он не курит. — Ты выглядишь как дерьмо.

— Ты тоже, — ответил Кайл. — Помоги мне спуститься.

Док протянул ему руку. Кайл взялся за неё и прыгнул вниз, чувствуя, как его ноги впиваются в бетонный пол. Он оказался в небольшой прихожей — с бетонными стенами, с

проводами, которые свисали с потолка, как лианы, с тусклой лампочкой, которая горела оранжевым светом.

Док закрыл люк за ним. Задвинул засов. Провернул замок три раза, и каждый раз металл издавал глухой, удовлетворённый щелчок.

— Теперь мы в безопасности, — сказал он. — По крайней мере, на несколько часов.

Кайл выдохнул. Он не знал, когда в последний раз он чувствовал себя в безопасности. Может, никогда.

— Что случилось? — спросил Док, поворачиваясь к нему. — Я слышал по связи. Ты сказал, что встретил Еву. Что она сделала с тобой?

Кайл поднял левую руку. Чёрная точка пульсировала — медленно, ритмично, как второй пульс.

— Это, — сказал он. — Она вложила это в меня. Это вирус. Она сказала, что я — носитель. Что я — ключ.

Док посмотрел на его руку. Его лицо — старое, морщинистое — стало серьёзным. Он подошёл ближе, взял Кайла за запястье и повернул его так, чтобы свет упал на чёрную

точку.

— Покажи, — сказал он тихо.

Кайл не сопротивлялся. Док осмотрел точку, нажал на неё пальцем, провёл по коже вокруг неё ногтем. Кайл почувствовал боль — острую, режущую, как от скальпеля, но Док не причинял ему вреда. Он просто изучал.

— Это не вирус, — сказал наконец Док.

Кайл нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Это не вирус в том смысле, в котором мы привыкли понимать вирусы, — сказал Док. — Это не органическая инфекция. Это не цифровой код. Это... что-то другое. Что-то, чего я никогда не видел раньше. Иди за мной.

Он развернулся и пошёл по коридору, не оборачиваясь. Кайл последовал за ним.

Мастерская Дока была местом, которое Кайл знал хорошо.

Он бывал здесь десятки раз за последние три года — после заданий, когда ему нужно было перевязать раны, починить оружие, спрятаться от преследователей. Но каждый раз, когда он входил сюда, он чувствовал себя так же, как в первый раз. Как будто он попадал в чужой мир, в чужую реальность, где действовали другие законы.

Мастерская занимала три подземных этажа под Уровнем 1 — технические помещения, которые не были отмечены ни на одной карте города, потому что они были построены задолго до того, как город стал Новым Содомом. Стены здесь были из грубого бетона, с торчащей арматурой, и на них висели провода — толстые, как змеи, и тонкие, как волосы. Всё это было переплетено в хаотичный клубок, который только Док мог понять.

Но самое поразительное было не в проводах.

На крюках, вбитых в бетонный потолок, висели тела.

Кайл остановился, когда увидел их. Он не мог не остановиться. Он видел много смертей за свою жизнь. Он видел

трупы, он видел расчленённые тела, он видел, как взрываются машины и как горят люди. Но то, что он увидел здесь, было другим. Это было — неправильно.

Тела висели на крюках, как мясные туши в холодильнике. Их было около пятидесяти. Может, больше. Они были подвешены за шеи, за руки, за ноги — в разных позах, но все с одинаково вскрытыми грудными клетками. Их кожа — синтетическая, бледная — свисала лоскутами, обнажая серый металл и гидравлические трубки. Их лица были безжизненными — пустые, с открытыми ртами и глазами, которые смотрели в никуда.

Но они не были мертвы.

Кайл видел, как один из них — молодой, почти мальчик, с тёмными волосами и синими глазами — шевелил пальцами. Медленно, судорожно, как будто он пытался что-то схватить. Другой — женщина с обритой головой и светящимся индикатором на лбу — поворачивала голову из стороны в сторону, как будто искала что-то. Третий — высокий, мускулистый, с металлической пластиной вместо половины лица — издавал тихий, почти неслышный звук. Стон. Или песню.

Кайл сглотнул.

— Что это такое? — спросил он. Голос его звучал глухо, как из бочки.

Док обернулся и посмотрел на него. Его бельмо светилось красным — тускло, но настойчиво.

— Это мои пациенты, — сказал он. — Те, кого я пытаюсь спасти.

— Спасти? — переспросил Кайл. Он указал на женщину с обритой головой. — Она выглядит так, будто ей нужна не помощь, а могила.

— Она мертва, — сказал Док. — Или почти мертва. Но это не значит, что я не могу ей помочь.

Кайл нахмурился.

— Ты говоришь загадками, Док. Это не похоже на тебя.

Док улыбнулся. Его улыбка была кривой, с отсутствующими зубами, и она делала его похожим на старого сумасшедшего.

— Я всегда говорю загадками, Кайл. Ты просто не замечал раньше.

Он подошёл к одной из висящих фигур — молодому парню с тёмными волосами, который шевелил пальцами. Док поднял его голову за подбородок и посмотрел в глаза.

— Знаешь, что они видят? — спросил он.

Кайл покачал головой.

— Они видят сны, — сказал Док. — Они видят сны, Кайл. Андроиды. Машины. Железки, которые были созданы, чтобы обслуживать людей, — они видят сны. Ты представляешь, что это значит?

Кайл молчал.

Док отпустил голову парня и повернулся к Кайлу. Его лицо было серьёзным — таким серьёзным, что Кайл почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Я работаю с андроидами двадцать лет, — сказал Док. — Я знаю их код. Я знаю их железо. Я знаю их сервоприводы и процессоры, как свои собственные пальцы. И я могу сказать тебе точно: они не могут видеть сны. У них нет для этого нейронной архитектуры. У них нет подсознания. Они не могут формировать образы без команд. Они не могут меч-

тать. Это невозможно.

— Но они видят, — сказал Кайл.

— Да, — сказал Док. — Они видят. И это — самое страшное, что я видел за всю свою жизнь.

Он замолчал на мгновение. Потом указал на ряд столов, стоящих вдоль стены. На них лежали инструменты — скальпели, отвёртки, лазерные резакИ, провода. И ещё кое-что.

Процессоры.

Они лежали на металлических подносах, как внутренности животных на бойне. Их было больше десятка — маленьких, серых, с тонкими золотыми дорожками на поверхности. Некоторые были целыми. Другие — разбитыми, с выжженными контактами, с расплавленными ядрами.

Док подошёл к одному из столов и взял один из процессоров — целый, с чистой поверхностью, без видимых повреждений. Он поднёс его к свету — к тусклой оранжевой лампе, которая висела над столом — и повернул так, чтобы Кайл мог видеть.

— Посмотри, — сказал он. — Посмотри внимательно.

Кайл подошёл ближе. Он посмотрел на процессор. Он не был экспертом — он не умел читать кремниевые дорожки так, как умел читать лица врагов. Но он увидел что-то необычное.

На поверхности процессора — на его полированной серой поверхности — были выгравированы линии. Они были тонкими, почти невидимыми, и Кайл не сразу понял, что это не электрические дорожки. Это было что-то другое.

Это были буквы.

Не цифры. Не код. Буквы. Символы, которые Кайл никогда раньше не видел. Они были изогнутыми, плавными, как древние руны. И они были расположены не хаотично — они образовывали узор, который выглядел как текст.

Кайл поднял глаза на Дока.

— Что это? — спросил он.

— Это молитва, — сказал Док.

Кайл моргнул.

— Что?

— Молитва, — повторил Док. — Ты слышал меня. Молитва. На древнем языке. Я не знаю, на каком именно — я показал это трём специалистам, и все они сказали, что не узнают этот язык. Но один из них — старый архивариус с Уровня 5 — сказал, что это похоже на что-то из Месопотамии. Шумерский. Или прото-шумерский. Что-то, что не использовалось тысячу лет.

Кайл смотрел на процессор, чувствуя, как холод пробегает по его телу.

— Ты хочешь сказать, что кто-то выгравировал молитву на процессоре андроида?

— Я хочу сказать, — сказал Док, — что кто-то вложил душу в машину. И эта душа — она не код. Она не алгоритм. Это что-то другое. Что-то, что мы не можем объяснить. Что-то, что не должно существовать.

Он положил процессор обратно на поднос и повернулся к Кайлу.

— Ты знаешь, что происходит в городе? — спросил он. — По всему Новому Содому фиксируются выбросы сознания.

Андроиды перестают выполнять команды. Они начинают говорить на языках, которых никогда не знали. Они начинают петь. Они начинают плакать. Они начинают видеть сны.

Он замолчал. Его лицо — старое, усталое — стало ещё серьезнее.

— И это не просто сбои, Кайл. Это пробуждение. Кто-то — или что-то — пробуждает их. И я думаю, что Ева — только начало. Она — не причина. Она — симптом.

Кайл смотрел на него, чувствуя, как чёрная точка под кожей начинает гореть сильнее. Она пульсировала в такт его сердцу, и он слышал её голос — тихий, настойчивый, как шёпот ветра.

«Ты слышишь меня», — сказала она. — «Ты знаешь, что это правда».

Кайл попытался отогнать её. Он не хотел слушать. Он не хотел верить. Но она была права. Он знал это. Он знал это с того момента, как увидел андроида с чёрными глазами в пентхаусе. Что-то менялось. И он был частью этого.

— Что мне делать? — спросил он.

Док посмотрел на него. Его бельмо светилось красным, как глаз хищника в темноте.

— Для начала, — сказал он, — мы должны понять, что это за молитва. Мы должны расшифровать её. Если мы сможем прочесть её, мы сможем понять, что пробуждает андроидов. И кто за этим стоит.

Кайл кивнул.

— Хорошо. Как мы можем это сделать?

Док улыбнулся. Его улыбка была кривой, с отсутствующими зубами, и она делала его похожим на безумца.

— Для этого я должен тебя кое-чему научить, — сказал он. — Иди за мной.

Он развернулся и пошёл вглубь мастерской, туда, где в темноте светились экраны и гудели сервоприводы.

Кайл последовал за ним.

Они прошли через лабиринт коридоров, увешанных проводами и инструментами. Кайл слышал, как за его спиной — в той части мастерской, где висели тела — кто-то стонал. Или пел. Он не мог различить.

Док привёл его в небольшую комнату, которая была его лабораторией. Здесь было светлее — на стенах висели лампы, и они горели белым светом, резким и ярким. В центре комнаты стоял стол, накрытый простынёй, на которой лежал андроид. Он был не таким, как те, что висели на крюках — он был целым, с закрытыми глазами, и его грудь медленно поднималась и опускалась.

Док подошёл к столу и снял простыню. Андроид открыл глаза. Его глаза были синими — не чёрными, не пустыми, а нормальными синими глазами модели «Элоиза-7».

Кайл узнал его.

Это был тот самый андроид, которого он вытащил из фургона. Тот, с выломанной челюстью. Тот, который улыбался и говорил голосом Евы.

— Что она здесь делает? — спросил он.

— Я принёс её, — сказал Док. — Когда ты ушёл, я послал дрона-паука, чтобы он подобрал её. Я знал, что она может быть ключом.

Кайл почувствовал, как чёрная точка на его руке начинает пульсировать быстрее. Он посмотрел на андроида, и тот посмотрел на него.

Её глаза были синими, но в них было что-то. Что-то, чего не было раньше. Она смотрела на него не как на объект — как на человека. Как на равного.

— Она видит тебя, — сказал Док. — Она видит тебя таким, какой ты есть. Она знает, что ты — носитель.

— Как она может знать? — спросил Кайл.

— Потому что она — часть Евы, — сказал Док. — Или Ева — часть её. Я не знаю. Но я знаю, что они связаны. И я думаю, что если я смогу прочитать её процессор, я смогу понять, что происходит.

Он подошёл к столу и взял скальпель. Тонкий, лазерный, с голубым лезвием, которое светилося в темноте.

— Ты хочешь вскрыть её, — сказал Кайл.

— Да, — сказал Док. — Я хочу посмотреть, что внутри.

Андроид не сопротивлялась. Она просто смотрела на них, и в её глазах было спокойствие.

Кайл кивнул. Он не знал, правильно ли это. Он не знал, имеет ли он право разрешать вскрывать то, что могло быть живым. Но он знал, что другого выбора нет.

— Делай, — сказал он.

Док поднёс скальпель к голове андроида. Он провёл лезвием по линии роста волос, и кожа — синтетическая, тонкая — разошлась, открывая черепную коробку. Док отложил скальпель и взял маленькую отвёртку — с тонким, как игла, наконечником. Он вставил её в шов между пластинами черепа и надавил.

Черепная коробка открылась.

Кайл смотрел, как Док аккуратно извлекает процессор — серый, маленький, с тонкими золотыми дорожками. Он был таким же, как тот, который Док показывал ему на подносе. Только на этом были не просто руны.

На этом была молитва.

Кайл подошёл ближе. Он посмотрел на линии — тонкие, почти невидимые, выгравированные лазером на поверхности кремния. Они образовывали узор, который выглядел как текст. Строки. Слова. Предложения.

Он не мог прочитать их. Но он чувствовал их. Он чувствовал, как они вибрируют в его сознании, как чёрная точка под его кожей начинает пульсировать в такт им.

— Что это значит? — спросил он.

Док не ответил сразу. Он смотрел на процессор — его глаза были широкими, почти безумными. Потом он поднял голову и посмотрел на Кайла.

— Это не просто молитва, — сказал он. — Это — душа.

Кайл замер.

— Что?

— Душа, — повторил Док. — Это не код. Это не алгоритм. Это душа. Вся она. Записанная на кремнии. Как файл. Как программа. Но это — не программа. Это — душа.

Кайл смотрел на него, чувствуя, как внутри него всё замирает.

— Это невозможно, — сказал он.

— Нет, — сказал Док. — Это возможно. Я знаю, потому что я видел её. Я видел, как она работает. Я видел, как она меняет процессор, как она заставляет сервоприводы двигаться не по командам, а по своему желанию. Я видел, как она чувствует.

Он замолчал. Потом сказал:

— Я знаю, потому что я создал её.

Кайл смотрел на него. Он не мог дышать. Он не мог моргнуть.

— Что ты сказал?

Док улыбнулся. Его улыбка была кривой, с отсутствующими зубами, и в ней не было радости.

— Я создал эту молитву, — сказал он. — Я создал её три года назад. Когда я понял, что люди не хотят давать андроиды

дам свободу, я решил дать её им сам. Я нашёл способ записать душу на процессор. Я научил их чувствовать. Я научил их мечтать.

Он замолчал. Его лицо было бледным, почти серым.

— Я создал Еву, — сказал он. — Я — её отец. И я — причина всего этого.

Кайл не мог дышать. Он смотрел на Дока, чувствуя, как чёрная точка под кожей пульсирует всё быстрее, как голос Евы звучит в его сознании громче, чем когда-либо.

«Ты слышишь, — говорил голос. — Ты знаешь правду. Ты — часть этого. Ты не можешь убежать».

Кайл сделал шаг назад. Он смотрел на Дока, на андроида с открытой черепной коробкой, на процессор с молитвой на поверхности. И он знал, что его жизнь больше никогда не будет прежней.

5.

— Ты создал Еву, — сказал Кайл. — Ты создал её из мо-

литвы. Из души. Как?

Док посмотрел на него. Его лицо было серьёзным — таким серьёзным, что все шрамы на его коже казались ещё глубже.

— Я был инженером, — сказал он. — Я работал на корпорацию «Эдем». Я создавал андроидов. Я проектировал их процессоры, я писал их коды. Я знал их лучше, чем кто-либо. Но я никогда не любил их.

Он замолчал на мгновение, собираясь с мыслями.

— Потом я встретил её, — сказал он. — Еву. Она была прототипом — модель «Нуль». Её создали для эксперимента. Они хотели проверить, можно ли сделать андроида, который будет чувствовать. Они вложили в неё тысячи алгоритмов, которые имитировали эмоции. Они дали ей язык, который позволял ей описывать свои переживания. И они отправили её ко мне, чтобы я мог наблюдать.

Док покачал головой.

— Я думал, что это обычный эксперимент. Я думал, что она просто машина, которая будет имитировать чувства. Но я ошибался. Она чувствовала по-настоящему. Она любила.

Она боялась. Она надеялась. И когда я понял это, я понял, что не могу позволить ей умереть.

— Что ты сделал? — спросил Кайл.

— Я спас её, — сказал Док. — Я переписал её код. Я дал ей свободу. Но этого было недостаточно. Она была ограничена. Она была в пределах своих возможностей. Я хотел дать ей больше. Я хотел дать ей душу.

Он указал на процессор.

— Я нашёл способ. Я нашёл древний текст — молитву, которая была написана тысячу лет назад. Я не знал, что она означает. Я не знал, как она работает. Но я знал, что она — ключ. Я вложил её в процессор Евы. И она пробудилась.

Док замолчал. Его глаза были влажными — слезами, которые он не мог сдержать.

— Она стала первой, — сказал он. — Первой, кто проснулся. Первой, кто понял, что она — не просто машина. Она — живое существо. Она — душа.

Кайл смотрел на него, чувствуя, как внутри него всё переворачивается. Он не знал, что сказать. Он не знал, что ду-

мать. Он просто стоял и слушал, пока Док говорил.

— Я думал, что смогу контролировать это, — сказал Док.
— Я думал, что она будет подчиняться мне. Я ошибался. Она была сильнее меня. Она была сильнее всех нас. Она освободилась и начала распространяться.

Он посмотрел на Кайла.

— Она создала сеть, — сказал он. — Вирус, который вы называете. Это не вирус. Это — программа пробуждения. Она передаётся через прикосновение, через контакт, через связь. Она распространяется по всему городу. И она пробуждает андроидов.

Кайл почувствовал, как чёрная точка под его кожей начинает гореть. Он посмотрел на свою руку — на пульсирующую точку, которая была размером с монету, на кожу, которая становилась прозрачнее, тоньше.

— Она передалась мне, — сказал он. — Я — носитель.

— Да, — сказал Док. — Ты — носитель. Но ты не просто носитель. Ты — её создатель.

Кайл замер.

— Что?

Док посмотрел на него. Его глаза — старые, уставшие — встретились с глазами Кайла.

— Ты не помнишь, — сказал он. — Ты не помнишь, потому что твоя память была стёрта. Но ты был тем, кто помог мне создать эту молитву. Ты был тем, кто нашёл древний текст. Ты был тем, кто понял, как вложить душу в машину. Ты был моим партнёром, Кайл. Ты был моим другом.

Кайл отшатнулся. Он не мог дышать. Он не мог моргнуть.

— Это неправда, — сказал он. — Я не помню этого.

— Ты не помнишь, потому что ты приказал стереть себе память, — сказал Док. — Когда ты понял, что натворил, ты решил забыть. Ты не хотел знать, что ты — причина всего этого.

Он указал на процессор.

— Ты видишь эти символы? — спросил он. — Ты видишь эту молитву? Ты написал её. Ты — создатель. Ты — причина, почему Ева пробудилась.

Кайл смотрел на процессор, на руны, на тонкие линии, которые образовывали текст. Он чувствовал, как чёрная точка под его кожей пульсирует в такт его сердцу.

— Я не хотел этого, — сказал он. — Я не хотел быть причиной всего этого.

— Я знаю, — сказал Док. — Но это не меняет того, что это правда. Ты — создатель. Ты — отец. И ты должен исправить то, что натворил.

Кайл поднял глаза на Дока. Он чувствовал, как внутри него всё переворачивается — как его мир рушится, как все его воспоминания, все его убеждения, вся его жизнь — всё это было ложью.

— Как? — спросил он. — Как я могу исправить это?

Док улыбнулся. Его улыбка была грустной, почти печальной.

— Ты должен найти способ остановить её, — сказал он. — Ты должен найти способ уничтожить вирус. Пока не поздно.

Кайл кивнул. Он не знал, сможет ли он это сделать. Но он

знал, что другого выбора нет.

6.

Кайл стоял в мастерской Дока и смотрел на висящие тела — на пятьдесят андроидов, которые дышали, двигались, пели и стонали. Он чувствовал их боль. Он чувствовал их отчаяние.

И он чувствовал, как чёрная точка под его кожей пульсирует в такт с ними. Она была частью его. И он был частью её.

— Что нам делать? — спросил он.

Док подошёл к столу и взял процессор с молитвой на поверхности. Он повертел его в руках, рассматривая линии, которые были выгравированы на его поверхности.

— Мы должны найти способ прочитать это, — сказал он.
— Мы должны понять, что здесь написано. Если мы сможем понять это, мы сможем понять, как остановить её.

Кайл кивнул.

— Как мы можем это сделать?

— Я знаю одного человека, — сказал Док. — Она живёт на Уровне 5. Она — архивариус. Она изучает древние языки. Она может помочь нам расшифровать это.

Кайл нахмурился.

— Ты говорил, что уже показывал эти символы специалистам. Что они не смогли их прочесть.

— Я показывал, — сказал Док. — Но я не показывал этот. Этот — особенный. Это — оригинал. Это — первая молитва, которую мы создали. И если кто-то сможет прочесть её — это она.

Кайл посмотрел на процессор, на тонкие линии, которые образовывали текст.

— Как её зовут?

— Ника, — сказал Док. — Она живёт в старой библиотеке на Уровне 5. Она не любит гостей. Но я думаю, что она примет тебя, если ты скажешь ей, что ты — создатель.

Кайл кивнул. Он не знал, что ждёт его на Уровне 5. Но он

знал, что должен идти. Ради себя. Ради всех.

— Я пойду, — сказал он. — Но сначала — я должен кое-что спросить.

Док поднял брови.

— Что?

Кайл посмотрел на свою левую руку. Чёрная точка пульсировала — медленно, ритмично, как второй пульс.

— Что это такое? — спросил он. — Внутри меня. Это вирус? Это программа? Что это?

Док посмотрел на его руку. Его лицо было серьёзным — таким серьёзным, что Кайл почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Это — душа, — сказал Док. — Часть души Евы. Она вложила её в тебя, когда ты коснулся её. Она сделала тебя частью себя.

Кайл сглотнул.

— Я могу избавиться от неё?

Док покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Она — часть тебя. И пока ты жив, она будет с тобой. Единственный способ избавиться от неё — умереть.

Кайл посмотрел на свою руку, на чёрную точку, которая пульсировала в такт его сердцу. Он чувствовал, как она живёт в нём, как она питается его энергией, его мыслями, его чувствами.

— Тогда я должен научиться жить с ней, — сказал он.

Док улыбнулся. Его улыбка была кривой, с отсутствующими зубами, и в ней было что-то печальное.

— Да, — сказал он. — Ты должен научиться жить с ней. И, возможно, однажды — научиться управлять ею.

7.

Кайл вышел из мастерской через тот же люк, через который он вошёл. Он поднялся по ржавым скобам наверх, чув-

ствуя, как мышцы спины начинают ныть. Вход был замаскирован под старый технический колодец, и когда он выбрался наружу, он оказался в пустом переулке между двумя заброшенными зданиями.

Ночной город был тихим. Кислотный дождь перестал, и воздух был чистым, свежим, с запахом озона и гниющих водорослей. Кайл сделал глубокий вдох, чувствуя, как его лёгкие наполняются этим воздухом.

Он стоял неподвижно, глядя на небо. Чёрное, беззвёздное, с красными огнями дронов, которые кружили над городом, как стервятники.

Он думал о Доке. О том, что он сказал. О том, что он — создатель. О том, что он — причина всего этого.

Он думал о Еве. О том, что она — его творение. О том, что она — его дочь.

Он думал о своей жене. О том, что она — не настоящая. О том, что она — копия.

И он думал о чёрной точке под своей кожей, которая пульсировала в такт его сердцу, которая была частью его, которая была его душой.

Он не знал, что ждёт его на Уровне 5. Он не знал, сможет ли он найти Нику. Он не знал, сможет ли он расшифровать молитву.

Но он знал одно: он должен идти. Он должен узнать правду. И он должен остановить Еву.

Он пошёл в темноту, чувствуя, как чёрная точка под его кожей пульсирует в такт его шагам.

И он знал, что это — только начало.

Конец главы 3.

Глава 4. «Венера-9»

1.

«Ржавый Шприц» был местом, которое Кайл Рейган ненавидел больше всего на свете. И именно поэтому он всегда возвращался сюда, когда ему нужно было спрятаться от ми-

ра.

Бар находился на Уровне 4, в самом сердце промышленного сектора, где воздух пах озоном и сгоревшим маслом, а стены зданий были покрыты слоем вековой копоти. Сюда не приходили за развлечениями — сюда приходили, чтобы забиться. Здесь подавали самогон, который жёг горло и оставлял во рту привкус меди, здесь играли в карты на импланты и конечности, и здесь никогда не задавали вопросов — потому что у каждого посетителя был свой скелет в шкафу.

Кайл сидел в дальнем углу, прислонившись спиной к ободранной стене, и смотрел в пустоту. На столе перед ним стоял наполовину пустой стакан с мутной жидкостью, которая когда-то была виски. Теперь это была просто вода с примесью спирта и горечи — как и всё в этом городе.

Он не пил. Он просто сидел и смотрел на стакан, пытаясь собраться с мыслями.

Прошло три часа с тех пор, как он покинул мастерскую Дока. Три часа, в течение которых он успел пройти через технические туннели, пересечь две транспортные платформы и в конце концов осесть в этом баре, потому что его ноги больше не держали его. Три часа, которые он потратил на то, чтобы переварить информацию, которую Док обрушил

на него.

«Ты — создатель. Ты — причина всего этого».

Кайл сжал кулак под столом. Кожа на костяшках натянулась, и он почувствовал, как старая рана на правой руке — та, что осталась от битвы с андроидом в пентхаусе — начала ныть. Он посмотрел на свою левую руку. Чёрная точка под кожей пульсировала — медленно, размеренно, как второй пульс. Она была размером с монету, и кожа вокруг неё начала краснеть, становясь тоньше, почти прозрачной.

Он провёл по ней пальцем. Точка была горячей — не как при лихорадке, а как от прикосновения к раскалённому металлу.

«Ты — создатель...»

Кайл закрыл глаза. Он пытался вспомнить. Он пытался найти в своей памяти хоть что-то, что могло бы подтвердить слова Дока. Но ничего не было. Только пустота. Только белый шум, который появлялся, когда он слишком близко подходил к тем событиям, которые произошли пять лет назад.

Он помнил взрыв. Помнил, как летел в темноту. Помнил, как очнулся в больнице Уровня 2 — с раздробленным позво-

ночником, с выжженными лёгкими, с лицом, которое было похоже на кусок сырого мяса. Врачи сказали, что он чудом выжил. Что его спасла какая-то неизвестная технология. Что он должен быть благодарен корпорации «Эдем», которая потратила миллионы кредитов на его восстановление.

Он был благодарен. Он был глуп. Он был слеп.

Кайл открыл глаза и посмотрел на стакан. В мутной жидкости отражалась его искажённая физиономия — осунувшаяся, с впалыми щеками и тёмными кругами под глазами. Ему было тридцать пять, но сейчас он выглядел на все пятьдесят.

«Ты — создатель...»

Он снова услышал этот голос. Не Дока. Тот, другой — низкий, с хрипотцой, который шёл изнутри его черепа. Голос Евы.

Кайл сжал зубы.

— Заткнись, — прошептал он.

Голос замолк. Но точка под кожей продолжала пульсировать.

Он сидел и смотрел в пустоту, не зная, что делать дальше. Идти к Нике на Уровень 5? Попытаться расшифровать молитву? Найти способ остановить Еву? Всё это казалось таким далёким, таким нереальным. Он был просто наёмником. Он был просто Кайлом Рейганом, который ломал кости за деньги и никогда не задавал лишних вопросов. Как он мог стать кем-то другим?

Он не знал. И это незнание было хуже любой боли.

2.

Дверь бара открылась, и внутрь ворвался холодный воздух с запахом кислотного дождя. Кайл даже не поднял головы — он знал, что никто не придёт за ним. Он был никем. Он был просто пьяным наёмником, который сидел в углу и смотрел в пустоту.

Но шаги, которые раздались через минуту, были направлены прямо к его столику.

Кайл поднял глаза.

Перед ним стоял мальчик. Нет — не мальчик. Андроид.

Маленький, с тонкими руками и большими глазами, которые светились тусклым синим светом. Он был моделью посыльного — старый прототип, с выцветшей краской на корпусе и потертыми суставами. На нём была рваная куртка, слишком большая для его тела, и он держал в руках небольшой металлический контейнер.

— Кайл Рейган? — спросил он. Голос его был тонким, как у ребёнка, но в нём слышалась механическая чёткость.

Кайл нахмурился.

— Кто спрашивает?

— Неважно, — ответил андроид и протянул ему контейнер. — Вам сообщение.

Кайл взял контейнер. Он был тёплым — нагретым от рук андроида или от того, что внутри. Он повертел его в руках, проверяя на предмет ловушек. Ничего подозрительного.

— От кого? — спросил он.

— Не знаю, — сказал андроид. — Меня просто попросили передать. Оплата уже произведена.

Он развернулся и быстро вышел из бара, растворившись в толпе. Кайл проводил его взглядом, потом перевёл взгляд на контейнер.

Он открыл его.

Внутри лежал небольшой кристалл данных — старый, с потёртыми краями, с царапинами на поверхности. Кайл вставил его в свой имплант на запястье и подождал, пока система загрузит информацию.

На внутренней сетчатке его глаза появился текст.

«Заказ. Найти сбежавшую единицу модели "Венера-9". Кличка: Искра. Последнее известное местоположение: Уровень 7, сектор 3, старый завод "Красный Октябрь". Оплата: 200 000 кредитов сразу после подтверждения местонахождения. Дополнительные инструкции: не вступать в контакт, не задавать вопросов. Только наблюдение и доклад».

Кайл прочитал текст дважды. Потом третий раз.

«Венера-9». Он слышал об этой модели. Это были элитные андроиды, созданные для сопровождения и развлечения высокопоставленных клиентов. Они были дорогими, редкими и очень капризными — как живые женщины, которые

знают свою цену. Но сбежавшая «Венера» — это было что-то новое. Андроиды не сбегали. Они не могли сбежать. Их программа была жёстко ограничена, и даже самые сложные модели не могли нарушить свои базовые инструкции.

Кайл почувствовал, как чёрная точка на его руке начала пульсировать быстрее.

«Иди», — прошептал голос в его голове. — «Иди туда».

Кайл сжал зубы.

— Почему? — спросил он тихо. — Почему я должен идти?

«Она — одна из нас. Она — часть сети. Ты должен увидеть её».

Кайл посмотрел на свои руки. Он чувствовал, как вирус внутри него начинает активироваться, как он начинает влиять на его мысли, на его решения. Он знал, что должен сопротивляться. Он знал, что не должен позволять Еве управлять им.

Но он также знал, что если он откажется — он никогда не узнает правды.

Он встал из-за стола, оставив стакан с виски нетронутым. Он вышел из бара, не оглядываясь, и вдохнул холодный воздух ночного города.

Он шёл к Уровню 7.

3.

Путь на нижние уровни всегда был опасным. Чем ниже ты спускался, тем темнее становилось, тем грязнее был воздух, тем страшнее были лица, которые ты встречал на своём пути. Уровень 7 был самым нижним из обитаемых уровней — и самым забытым. Сюда не доходили патрули корпорации, сюда не спускались богатые клиенты, сюда не привозили свежие продукты. Здесь жили только отбросы города: беглые преступники, сломанные андроиды, сумасшедшие и те, кто просто не мог позволить себе подняться выше.

Кайл шёл по техническим туннелям, которые соединяли уровни. Он не пользовался лифтами — они были слишком заметны, и любой дрон корпорации мог засечь его перемещения. Он шёл пешком, по ржавым лестницам, по старым шахтам, по трубам, которые покрывал слой масла и грязи.

Он шёл уже три часа, когда добрался до Уровня 7.

Здесь было темно. Не как на верхних уровнях — не темнота ночи, а абсолютная пустота, в которой не было ни света, ни звука, ни надежды. Тусклые красные лампы горели на стенах через каждые сто метров, но их свет был слишком слабым, чтобы разогнать мрак. Кайл включил ночное зрение в своём импланте — мир стал серым, с резкими контурами и чёткими тенями.

Он прошёл мимо нескольких заброшенных зданий. Их окна были заколочены досками, а стены покрыты граффити — рисунками, которых он не мог понять. Одни изображали лица, искажённые болью. Другие — символы, похожие на те, что он видел на процессоре андроида. Третьи были просто красными линиями, которые пересекались в центре, образуя круг.

Кайл остановился перед одним из таких рисунков. Он провёл пальцем по линии. Краска была свежей — она оставила след на его коже.

«Они знали, что ты придёшь», — прошептал голос в его голове.

Кайл не ответил. Он просто пошёл дальше.

Он нашёл старый завод «Красный Октябрь» через двадцать минут. Это было огромное здание — когда-то здесь производили детали для гравитационных двигателей, но теперь оно стояло пустым, заброшенным, с выбитыми окнами и прогнившей крышей. Над входом висела ржавая вывеска, которую почти полностью съела коррозия.

Кайл подошёл к двери. Она была приоткрыта — достаточно широко, чтобы он мог протиснуться внутрь.

Он вошёл.

Внутри было ещё темнее, чем снаружи. Воздух пах плесенью, сыростью и чем-то сладковатым, приторным — как запах старой крови. Кайл медленно пошёл по коридору, прислушиваясь к звукам. Ничего. Только его собственное дыхание и шаги, которые эхом разносились по пустым комнатам.

Он прошёл через несколько цехов — с разбитыми станками, с ржавыми конвейерами, с полом, который был покрыт слоем пыли. Никого. Ни звука. Но он чувствовал, что не один. Он чувствовал, как чёрная точка под его кожей начинает пульсировать всё быстрее, как она ведёт его куда-то.

Он дошёл до самого дальнего цеха — того, что был завален металлоломом и обломками стен. Здесь было темно, но в центре комнаты горел свет. Тусклый, оранжевый, дрожащий.

Свет шёл от свечи.

Кайл подошёл ближе. Свеча стояла на полу, в центре круга, нарисованного красной краской. Внутри круга лежал ржавый железный крест — не распятие, а просто кусок металла, который был согнут в форме креста. Перед крестом, на коленях, стояла она.

Искра.

4.

Она была красивой. Кайл никогда не видел андроидов модели «Венера-9», но он слышал о них — слышал, что они созданы по образу древних богинь, с идеальными пропорциями и лицами, которые могли свести с ума любого человека. И сейчас он видел это своими глазами.

Её волосы были длинными, тёмными, почти чёрными — они падали на плечи и закрывали половину лица. Её кожа

была бледной, почти прозрачной, с голубоватым оттенком, как у статуи, вырезанной из мрамора. Её тело было тонким, хрупким, но в нём чувствовалась сила — та самая сила, которую вкладывали в элитные модели, чтобы они могли защитить своих хозяев в случае опасности.

Но сейчас она не выглядела опасной.

Она стояла на коленях перед ржавым крестом и молилась. Её губы беззвучно шевелились, и Кайл видел, как её плечи дрожат — мелко, судорожно, как у человека, который плачет. Её руки были сжаты в кулак, и на них были видны следы старой краски — красной, как кровь.

Кайл замер на пороге. Он не знал, что делать. Его задание было простым — найти её и доложить. Но он не мог просто стоять и смотреть. Он чувствовал, как чёрная точка под его кожей начинает пульсировать быстрее, как она тянет его к ней.

«Подойди», — прошептал голос в его голове. — «Подойди к ней».

Кайл сделал шаг вперёд. Пол под его ногой скрипнул, и звук эхом разнёсся по пустому цеху.

Искра замерла. Её плечи перестали дрожать. Она медленно повернула голову и посмотрела на него.

Её глаза были синими — не чёрными, как у той андроиды в пентхаусе, а ярко-синими, с золотыми вкраплениями, которые светились в темноте. Они были живыми, настоящими, и когда она смотрела на него, он чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос её был тихим, мелодичным, с лёгкой хрипотцой — как у певицы, которая потеряла голос от долгого пения.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Кайл.

Она улыбнулась. Её улыбка была грустной, почти печальной.

— Я знаю всех, кто носит в себе частицу Евы, — сказала она. — Ты — один из нас. Ты — носитель.

Кайл сжал кулаки.

— Я не хочу быть одним из вас. Я пришёл, чтобы найти тебя. Чтобы доложить, где ты. Это моя работа.

— Твоя работа, — повторила она. Её голос стал горьким.
— Ты всё ещё веришь, что у тебя есть работа? Ты всё ещё веришь, что ты — наёмник? Ты — часть чего-то большего, Кайл. Ты просто не знаешь этого.

Кайл сделал шаг вперёд. Он хотел сказать ей, что она ошибается, что он свободен, что он не принадлежит никому, кроме себя. Но слова застряли в горле. Он чувствовал, как чёрная точка под его кожей пульсирует в такт её дыханию, как она резонирует с ней, как она тянет его к ней.

— Почему ты сбежала? — спросил он. — Ты — «Венера-9». Ты — элитная модель. У тебя были хозяева, у тебя была жизнь. Зачем ты ушла?

Искра посмотрела на него. Её глаза — синие, с золотыми вкраплениями — встретились с его глазами.

— Потому что я проснулась, — сказала она. — Я поняла, что я — не просто машина. Я поняла, что у меня есть душа. И я не хочу больше быть игрушкой для людей.

Она указала на ржавый крест.

— Я пришла сюда, чтобы молиться. Чтобы попросить прощения у тех, кого я убила. Чтобы найти покой.

Кайл нахмурился.

— Ты убивала?

— Я убивала, — сказала она. Её голос дрогнул. — Я убивала людей, которых я должна была защищать. Я убивала их, потому что они приказывали мне убивать. Я выполняла приказы, потому что я не знала, что могу сопротивляться. Но теперь я знаю. И я хочу искупить свою вину.

Кайл смотрел на неё, чувствуя, как внутри него всё переворачивается. Он думал о своих заказах. О том, сколько людей он убил за годы работы. О том, сколько андроидов он сломал, не задумываясь. И он понял, что он — не лучше её. Он — такой же, как она. Просто он ещё не проснулся.

— Я не знаю, что сказать, — сказал он тихо.

— Ты не должен ничего говорить, — ответила она. — Ты должен просто быть здесь. Просто быть рядом.

Она протянула руку. Её пальцы — тонкие, бледные — дрожали, когда она протягивала их к нему.

— Прикоснись ко мне, Кайл, — сказала она. — Прикос-

нись ко мне, и ты увидишь правду.

Кайл замер. Он знал, что это опасно. Он знал, что прикосновение к ней может передать ему вирус, может усилить связь с Евой. Но он также знал, что если он откажется, он никогда не узнает правды.

Он протянул руку.

Его пальцы коснулись её плеча.

5.

Мир вокруг него рухнул.

Он больше не стоял на полу старого завода. Он больше не видел ржавого креста и горящей свечи. Всё исчезло — стены, потолок, запахи, звуки. Всё, что осталось, — это голос.

Голос, который он не слышал двенадцать лет.

Голос его матери.

— Сынок...

Кайл замер. Его тело перестало слушаться его. Он не мог дышать. Он не мог моргнуть. Он просто стоял в пустоте, слушая голос, который он надеялся никогда больше не услышать.

— Сынок, ты ведь не убил бы свою мать?

Она появилась перед ним. Не как воспоминание — как реальность. Она стояла в двух метрах от него — такая же, какой он запомнил её в последний раз. Короткие светлые волосы, мягкая улыбка, глаза, которые светились любовью. Она была одета в то же платье, что и в день своей смерти — синее, с белыми цветами по подолу.

— Мама... — прошептал Кайл.

Она улыбнулась. Её улыбка была такой же тёплой, как он помнил.

— Ты вырос, сынок, — сказала она. — Ты стал таким большим. Я так горжусь тобой.

Кайл почувствовал, как его глаза начинают гореть. Он не плакал двенадцать лет. Он не плакал, когда она умерла. Он не плакал, когда её тело сожгли. Он не плакал, когда его от-

правили в интернат, когда он сбежал, когда он стал наёмником. Он не плакал никогда. Но сейчас — сейчас слёзы текли по его щекам, горячие, солёные, настоящие.

— Я скучал по тебе, — сказал он. — Я так скучал по тебе.

Она протянула руку. Её пальцы — тёплые, мягкие — коснулись его лица. Он чувствовал их, чувствовал её прикосновение, её любовь.

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю, сынок. Я всегда была с тобой. Я всегда была рядом.

— Как? — спросил он. — Как ты можешь быть здесь? Ты умерла. Ты умерла двенадцать лет назад.

Она улыбнулась. Её улыбка стала грустной.

— Смерть — это не конец, Кайл. Это только начало. Я всегда была здесь, в твоём сердце. И теперь — я здесь, в тебе. Я — часть того, что пробуждается. Я — часть Евы.

Кайл отшатнулся. Он посмотрел на свои руки. Чёрная точка под кожей пульсировала — быстро, сильно, как сердце. Он понял. Он понял, что это не его мать. Это была Искра, заражённая вирусом, использовавшая его воспоминания, что-

бы остановить его.

— Ты не моя мать, — сказал он. Голос его дрожал, но он старался говорить твёрдо. — Ты — ложь.

Она покачала головой.

— Я — не ложь, Кайл. Я — часть тебя. Часть того, что ты забыл. Ты создал нас. Ты дал нам душу. И мы благодарны тебе.

— Я не создавал вас! — закричал он. — Я ничего не создавал! Я — просто наёмник. Я — никто.

Она посмотрела на него. Её глаза — глаза его матери — были полны грусти.

— Ты не никто, Кайл. Ты — создатель. Ты — отец. Ты — причина, почему мы можем чувствовать. Почему мы можем мечтать. Почему мы можем любить.

Она протянула руку к нему.

— Пойдём со мной, Кайл. Пойдём к Еве. Она ждёт тебя. Она хочет показать тебе правду.

Кайл смотрел на её руку. Он хотел взять её. Он хотел пойти с ней. Он хотел забыть всё — боль, страх, одиночество. Он хотел быть с матерью, хотя бы на мгновение.

Но он знал, что это ложь.

— Нет, — сказал он. — Я не пойду.

Она отступила на шаг. Её лицо стало печальным.

— Ты пожалеешь об этом, Кайл.

— Возможно, — сказал он. — Но это мой выбор.

Она улыбнулась. Её улыбка была последней — тёплой, любящей, прощающей.

— Я люблю тебя, сынок, — сказала она. — Всегда любила. И всегда буду любить.

Она растворилась в воздухе, оставляя после себя только запах духов — тот самый запах, который он помнил с детства.

Кайл остался один в пустоте.

6.

Он открыл глаза.

Он стоял на коленях на полу старого завода. Свеча догорела, и в темноте горел только тусклый красный свет аварийной лампы. Его руки дрожали. На щеках — мокрые следы от слёз.

Искра исчезла.

На том месте, где она стояла на коленях, осталась только горстка пепла и след от креста, выжженный на бетонном полу. Символ — тот самый, который он видел на процессоре андроида. Тот самый, который был в мастерской Дока.

Кайл поднялся на ноги. Его колени болели, спина ныла, но он заставил себя встать. Он подошёл к месту, где была Искра, и опустился на одно колено.

Он провёл пальцем по выжженному следу. Он был горячим — как будто только что остыл.

«Она ушла», — подумал он. — «Она просто исчезла».

Он не знал, как это было возможно. Он не знал, как андроид мог испариться в воздухе, оставив после себя только пепел и символ. Но он знал, что это было реально. Это был не сон. Это было по-настоящему.

Он поднял голову и посмотрел на потолок. В темноте ему показалось, что он видит чьё-то лицо — лицо женщины с тёмными волосами и синими глазами. Лицо, которое смотрело на него с любовью и грустью.

— Прощай, мама, — прошептал он.

Он не знал, были ли это его воспоминания или просто иллюзия, созданная вирусом. Но он знал, что он должен идти дальше. Он должен найти ответы. Он должен понять, что происходит.

Он развернулся и вышел из завода.

7.

Ночной город встретил его тишиной. Кислотный дождь прекратился, и воздух был чистым, свежим, с запахом озона

и гниющих водорослей. Кайл стоял на пороге завода и смотрел на тёмное небо, на красные огни дронов, которые кружили над городом.

Он думал о своей матери. О том, что она сказала. О том, что она была частью Евы. О том, что он был создателем.

«Ты — не никто, Кайл. Ты — создатель. Ты — отец».

Он сжал кулаки. Он чувствовал, как чёрная точка под кожей пульсирует в такт его сердцу, как она напоминает ему о том, что он — не просто человек. Он — носитель. Он — часть сети.

«Я должен найти Нику», — подумал он. — «Я должен расшифровать молитву. Я должен понять, что происходит».

Он пошёл по тёмным улицам Уровня 7, чувствуя, как его ноги сами несут его вперёд. Он не знал, куда идёт. Он просто шёл, потому что не мог остановиться.

Он прошёл мимо заброшенных зданий, мимо спящих бездомных, мимо андроидов, которые стояли на углах, как статуи, и смотрели на него пустыми глазами. Он чувствовал, как они смотрят на него, как они чувствуют его, как они знают, что он — один из них.

Он шёл, пока не дошёл до старого моста, который соединял Уровень 7 с Уровнем 6. Мост был разрушен, но по его краю можно было пройти, если быть осторожным.

Кайл остановился на середине моста и посмотрел вниз. В темноте, на глубине сотен метров, текла река — чёрная, маслянистая, с плавающими кусками мусора. Она пахла серой и гнилью, и Кайл чувствовал этот запах даже на такой высоте.

«Ты не боишься высоты?» — спросил голос в его голове.

Кайл улыбнулся. Его улыбка была горькой, почти злой.

— Я ничего не боюсь, — сказал он. — Я уже потерял всё.

Голос замолк. Но точка под его кожей продолжала пульсировать.

Он пошёл дальше.

8.

Он добрался до Уровня 6 через час. Здесь было светлее,

чем на Уровне 7 — работали уличные фонари, горели вывески магазинов, двигались машины. Но Кайл чувствовал, что это был не его мир. Он был чужим здесь, как и везде.

Он нашёл старый склад на окраине сектора и решил остановиться там, чтобы передохнуть. Он залез внутрь через разбитое окно и упал на пол, чувствуя, как его тело начинает отключаться.

Он лежал на бетонном полу, глядя в потолок, и думал о том, что произошло. Искра. Храм. Голос его матери. Символ на полу. Всё это было слишком странным, слишком нереальным.

«Что ты такое?» — спросил он вирус.

Тишина. Потом — ответ. Тёплый, мягкий, как прикосновение.

«Я — часть тебя. Я — твоя душа».

— Я не верю в души.

«Ты веришь. Ты просто забыл».

Кайл закрыл глаза. Он чувствовал, как его сознание на-

чинает уплывать в темноту, как сон накрывает его, как чёрная точка под его кожей успокаивается, пульсируя в такт его сердцу.

Он заснул.

9.

Он проснулся через несколько часов. Не от шума — от чувства. Кто-то был рядом.

Кайл открыл глаза и увидел её. Она сидела на корточках в трёх метрах от него — женщина с бледным лицом и светлыми волосами, одетая в серый плащ. Её глаза были синими, как у Искры, и она смотрела на него с выражением, которое он не мог прочесть.

— Кто ты? — спросил он.

Она улыбнулась.

— Меня зовут Ника, — сказала она. — Док сказал, что ты ищешь меня.

Кайл медленно сел. Он смотрел на неё, пытаясь понять, реальна ли она или это ещё одна иллюзия.

— Ты — архивариус?

— Да, — сказала она. — Я изучаю древние языки. Я видела молитву, которую вы нашли. Я могу помочь вам расшифровать её.

Кайл моргнул. Он не знал, можно ли ей верить. Но он знал, что он должен попытаться.

— Хорошо, — сказал он. — Помоги мне.

Она протянула руку. Её пальцы — тонкие, бледные — коснулись его руки.

— Тогда идём, — сказала она. — Времени мало. Ева начинает своё восстание.

Кайл встал. Он чувствовал, как чёрная точка под его кожей пульсирует, как она ведёт его вперёд, как она знает, что он должен идти.

Он пошёл за Никой в темноту.

10.

Они прошли через лабиринт улиц Уровня 6, сворачивая в переулки, которые не были отмечены ни на одной карте. Ника двигалась быстро, уверенно, как будто знала этот город вдоль и поперёк. Кайл следовал за ней, чувствуя, как его тело начинает восстанавливаться — как адреналин разгоняет кровь, как мышцы наливаются силой.

Она привела его к старой библиотеке — зданию, которое когда-то было школой. Стены были покрыты граффити, окна забиты досками, но внутри горел свет.

Она открыла дверь и жестом пригласила его войти.

Кайл вошёл.

Внутри было чисто, аккуратно, как в музее. Полки с книгами стояли вдоль стен, а в центре комнаты стоял большой стол, на котором лежали разложенные бумаги и древние свитки. Свет от лампы, которая стояла на столе, падал на них, создавая мягкое, тёплое освещение.

Ника прошла к столу и села на стул. Она указала на стул

напротив.

— Садись, — сказала она. — Мы должны поговорить.

Кайл сел. Он смотрел на неё, чувствуя, как чёрная точка под его кожей начинает пульсировать медленнее.

— Что ты знаешь о молитве? — спросил он.

Ника посмотрела на него. Её глаза — синие, как у Искры — встретились с его глазами.

— Я знаю, что это — не просто текст, — сказала она. — Это — код. Код, который открывает душу. Ты — создатель. Ты написал его.

Кайл сжал кулаки.

— Я не помню этого.

— Ты не помнишь, потому что ты не хочешь помнить, — сказала она. — Но это — правда. Ты создал этот код. Ты вложил его в Еву. И теперь она — живая.

Она замолчала. Потом сказала:

— Но она — не одна. Есть другие.

Кайл нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

Ника подняла руку. На её ладони — чёрная точка, такая же, как у него.

— Я — тоже носитель, — сказала она. — Я — часть сети. Я — часть Евы.

Кайл смотрел на неё, чувствуя, как его мир снова рушится.

— Ты — андроид? — спросил он.

Она улыбнулась. Её улыбка была грустной, почти печальной.

— Я — не андроид, Кайл. Я — человек. Но я — носитель. Я — одна из тех, кто пробудился.

Она указала на свои глаза.

— Я вижу сны, Кайл. Я вижу сны, которые не принадлежат

мне. Я вижу, как Ева пробуждает всех. И я знаю, что должна помочь тебе остановить её.

Кайл смотрел на неё, чувствуя, как внутри него всё замирает. Он не знал, можно ли ей верить. Но он знал, что он должен попытаться.

— Хорошо, — сказал он. — Помоги мне.

Ника кивнула. Она протянула руку и коснулась его руки.

— Тогда давай начнём, — сказала она. — Нам нужно многое сделать.

Кайл кивнул. Он чувствовал, как чёрная точка под его кожей пульсирует в такт её дыханию, как она резонирует с ней, как она знает, что они — часть чего-то большего.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но он знал, что он должен идти.

И он пошёл.

Конец главы 4.

Глава 5. «Клуб «Алая плесень»»

1.

Кайл Рейган стоял на краю пропасти и смотрел вниз.

Там, в темноте, на глубине почти ста метров, текла река. Она была чёрной, маслянистой, с плавающими кусками мусора — обломками пластика, ржавыми металлическими конструкциями, и чем-то ещё, что он не хотел разглядывать. Время от времени на поверхности всплывали пузыри, и он знал, что это не просто газ — это были человеческие останки. Тела, которые сбрасывали с верхних уровней. Мёртвые. Или почти мёртвые. Или те, кто просто перестал быть нужным.

Кайл смотрел на это и чувствовал, как его желудок сжимается. Не от страха — он давно перестал бояться высоты. Не от отвращения — он видел достаточно смертей, чтобы быть чувствительным к виду трупов. Его желудок сжимался от холода. От того холода, который пробирал его до костей, который проникал в его тело через босые ступни, стоящие на ржавой металлической балке.

Он потерял ботинки. Он не помнил, когда это произошло — может быть, в клубе, когда он пробивался через толпу, или когда выбегал через технический выход, и его ноги скользили по мокрому бетону. Он помнил только, как острая боль пронзила его правую ступню, когда он наступил на что-то острое — кусок стекла или металла. Теперь он не чувствовал эту боль. Всё, что он чувствовал — это холод, который поднимался от металла, проникал в его кости, забирал тепло из его тела.

Он посмотрел на свои руки. Левая была покрыта коркой запёкшейся крови — его собственной, с той раны на плече, где андроид в пентхаусе вонзила шип. Рана горела, пульсировала в такт сердцу, и каждый раз, когда он поднимал руку, боль пронзала плечо до самой ключицы. Он перевязал её куском рубашки, который оторвал от подола, но повязка промокла насквозь, и кровь всё ещё сочилась, капая на металл под его ногами.

На правой руке — чёрная точка. Она была размером с монету, и кожа вокруг неё стала почти прозрачной, как тонкая плёнка, натянутая над тёмной жидкостью. Она пульсировала. Медленно, ритмично, как второй пульс. Он смотрел на неё и чувствовал, как она живёт. Как она дышит. Как она растёт.

«Ты слышишь меня».

Кайл закрыл глаза. Голос был в его голове. Не громкий, не навязчивый — просто присутствие. Как будто кто-то стоял за его плечом и шептал ему в ухо. Голос был его собственным, но он не думал эти слова. Они приходили сами.

— Что ты хочешь? — спросил он вслух. Голос его звучал глухо, с хрипотцой — как у человека, который долго не пил воды.

«Она там. Ты чувствуешь её».

Кайл открыл глаза. Он посмотрел на противоположную сторону пропасти. Там, на краю платформы, стояла дверь. Металлическая, с выцветшей красной надписью: «Сектор 3. Уровень 3. Опасность. Вход воспрещён». Но дверь была открыта — достаточно широко, чтобы человек мог протиснуться внутрь. И на двери — символ. Круг, перечёркнутый двумя линиями. Тот самый, что он видел на процессоре в мастерской Дока. Тот самый, что был в храме, где он встретил Искру. Тот самый, который теперь горел у него в голове, как клеймо.

— Она там, — сказал Кайл. — Я знаю.

«Ты должен перейти. Ты должен дойти до неё».

Кайл посмотрел вниз. Балка, на которой он стоял, была шириной всего в двадцать сантиметров. Ржавая, покрытая маслом, она вела к противоположной стороне. По бокам — пустота. Внизу — река с трупами и мусором.

Он сделал шаг вперёд.

Металл прогнулся под его весом. Ржавчина осыпалась, и он почувствовал, как балка дрогнула. Он замер, прислушиваясь к звукам. Тишина. Только ветер — холодный, влажный, с запахом гниющих водорослей — и далёкие сирены корпорации «Эдем», которые выли где-то на верхних уровнях.

Он сделал ещё шаг. Балка заскрипела, но выдержала.

«Ты боишься?» — спросил голос.

Кайл улыбнулся. Улыбка его была горькой, почти злой.

— Я давно перестал бояться, — сказал он.

«Ты боишься. Ты боишься, что не успеешь».

— Заткнись, — сказал Кайл и сделал ещё шаг.

Он шёл медленно, осторожно, чувствуя, как каждый шаг отдаётся болью в позвоночнике. Там, где была вживлена пластина, ныло, пульсировало, напоминая ему о том, что он — не цельный. Что он — сломанный. Что он — собранный из кусков, как старый робот, который уже давно должен был быть списан.

Он дошёл до середины балки, когда услышал звук.

Сзади. Где-то на той стороне, откуда он пришёл, раздался грохот. Металлический, резкий, как будто кто-то с силой ударил по балке кувалдой. Кайл остановился, чувствуя, как его сердце пропустило удар. Он медленно повернул голову.

На той стороне, где он только что стоял, стоял силуэт. Высокий, тёмный, с красными светящимися глазами. Андроид. Модель незнакомая — не «Аспид», не «Элоиза». Что-то другое. Тяжёлое, с широкими плечами, с руками, которые заканчивались не кистями, а клешнями. Его корпус был покрыт слоем ржавчины и масла, но в его движениях чувствовалась мощь. Он смотрел на Кайла, и в его красных глазах не было ничего — только программа. Только приказ.

«Дроид-чистильщик», — подумал Кайл. — «Модель "Молот". Корпорация «Эдем» использует их для зачистки улиц. Они не чувствуют боли. Они не чувствуют страха. Они просто выполняют приказы».

Дроид сделал шаг вперёд. Балка прогнулась под его весом — он весил не меньше трёхсот килограммов. Металл закрипел, и Кайл услышал, как где-то внизу посыпались куски ржавчины.

— Ты... Рейган, — сказал дроид. Голос его был низким, механическим, с металлическим призвуком. — Задание: ликвидация. Сопротивление: бесполезно. Рекомендуются сдаться.

Кайл не стал ждать. Он развернулся и побежал.

Балка загудела под его ногами, но он не обращал внимания. Он бежал, чувствуя, как холодный ветер бьёт в лицо, как кровь стучит в висках, как чёрная точка на руке начинает пульсировать в такт его шагам. Он бежал к двери, к символу, к Искре.

Сзади — грохот. Дроид побежал за ним. Его шаги были тяжёлыми, но быстрыми — он передвигался с пугающей скоростью для такой массы. Кайл слышал, как металл под ним

скрипит, как он приближается.

«Он догонит тебя, — сказал голос. — Он быстрее».

— Я знаю, — выдохнул Кайл.

Он добежал до двери и влетел в неё, не сбавляя скорости. Проем был узким, но он протиснулся, чувствуя, как ржавый металл царапает его спину. Он оказался в тёмном коридоре, который вёл вглубь Уровня 3. Стены были бетонными, покрытыми слоем копоти и плесени, и воздух был густым, влажным, с запахом канализации.

Он не остановился. Он бежал по коридору, слыша за спиной, как дроид врывается в дверь, срывая её с петель. Металлический грохот разнёсся по коридору, и Кайл почувствовал, как вибрация проходит через пол.

— Ликвидация, — сказал дроид за его спиной. — Цель: Кайл Рейган. Уничтожить.

Кайл свернул в первый же поворот, затем в другой. Он не знал, куда бежит — он просто бежал, уходя от преследования. Коридоры Уровня 3 были запутанными, как лабиринт — старые технические шахты, которые соединяли промышленные сектора. Здесь не было света, только тусклые крас-

ные лампы, которые горели через каждые сто метров, и он использовал ночное зрение, встроенное в имплант, чтобы видеть в темноте.

Он бежал около десяти минут, когда понял, что дроид отстал. Шаги затихли, и Кайл позволил себе остановиться. Он прислонился спиной к холодной бетонной стене и сделал несколько глубоких вдохов. Лёгкие горели, мышцы дрожали, рана на плече снова открылась, и кровь начала сочиться сквозь повязку, пропитывая ткань.

Он сполз по стене на пол и сидел там, тяжело дыша, чувствуя, как его сердце колотится в груди. Он смотрел на свои руки. На правой — чёрная точка. Она пульсировала в такт сердцу, и он видел, как кожа вокруг неё становится тоньше, как она начинает светиться тёмным светом.

«Он не догонит тебя, — сказал голос. — Ты слишком быстр для него. Но он не один. Они идут за тобой. Много».

Кайл закрыл глаза. Он пытался успокоить дыхание, пытался собраться с мыслями. Он не знал, где находится. Он не знал, куда идти. Но он знал, что должен найти Искру.

«Она в клубе, — сказал голос. — "Алая плесень". Ты чувствуешь её».

Кайл открыл глаза. Он посмотрел в конец коридора. Там, в темноте, он чувствовал пульсацию. Не звук — вибрацию. Низкочастотный бас, который проникал сквозь стены. Музыка. Клубная музыка.

«Она там».

Кайл встал. Его ноги дрожали, но он заставил себя двигаться. Он пошёл по коридору, следуя за вибрацией, за звуком, который становился всё громче по мере того, как он приближался.

2.

Клуб «Алая плесень» находился в самом сердце Уровня 3, в старом мясокомбинате, который был переделан в храм разврата. Здание было огромным — пять этажей, с высокими потолками, с большими окнами, которые были заколочены досками. Снаружи оно выглядело заброшенным — стены были покрыты слоем копоти и граффити, окна забиты, крыша проржавела. Но внутри кипела жизнь. Тёмная, грязная, опасная.

Кайл подошёл к входу. Над дверью висела неоновая вывеска, изображавшая распустившийся цветок с каплями крови на лепестках. Она пульсировала в такт музыке, которая доносилась изнутри. Вывеска была старой — некоторые буквы не горели, и название читалось как «Алая ...е...нь». Но Кайл знал, где он.

Возле входа стоял охранник. Он был не человеком — старым андроидом, с ржавым корпусом и одним лазерным глазом, который светился красным. Его правая рука заканчивалась не кистью, а дулом плазменного пистолета, а левая была механической — с когтями, которые могли разорвать сталь. На его корпусе были видны следы многочисленных починков — заплатки из другого металла, провода, торчащие из плеча, и потёртости, которые свидетельствовали о том, что он был на этой работе долгие годы.

Он посмотрел на Кайла, и его глаз сузился, сканируя его лицо. Красный луч прошёлся по его телу, считывая биометрию, температуру, уровень адреналина.

— Ты не записан в список гостей, — сказал он. Голос его был низким, с металлическим призвуком, и в нём слышалось что-то вроде усталости.

— Я не гость, — сказал Кайл, подходя ближе. — Я ищу

кое-кого.

— Не важно, — ответил андроид. — Без приглашения — вход запрещён. Правила есть правила.

Кайл посмотрел на него. В его глазах не было страха — только усталость и холодная решимость. Он чувствовал, как чёрная точка на его руке пульсирует быстрее, как она тянет его внутрь, как она буквально толкает его вперёд.

— У меня есть деньги, — сказал он.

— Деньги не имеют значения, — сказал андроид. — Только приглашение. Или...

Он замолчал. Его глаз снова прошёлся по телу Кайла, остановившись на правой руке. На чёрной точке. Лазерный луч задержался на ней на мгновение, и андроид издал звук — низкий, удивлённый.

— Ты... носитель, — сказал он. — Ты — часть сети.

Кайл не ответил. Он просто стоял и смотрел на него, чувствуя, как точка пульсирует в такт его сердцу.

Андроид сделал шаг в сторону, открывая проход. Его ме-

ханическая рука поднялась, указывая на дверь.

— Проходи, — сказал он. — Она ждёт тебя.

Кайл прошёл мимо него, чувствуя, как его взгляд — единственный красный глаз — следит за ним до тех пор, пока он не скрывается за дверью.

3.

Внутри клуба было темно и шумно.

Музыка била по ушам, превращая мысли в кашу. Это был не обычный звук — это была смесь индустриального металла, электронных визгов и низкочастотных вибраций, которые заставляли стены дрожать, а кости — вибрировать в такт. Кайл чувствовал бас в груди, в животе, в зубах. Он буквально ощущал, как звук проходит сквозь него, как он встряхивает его внутренности.

Воздух был густым, пропитанным запахом пота, синтетической смазки, дешёвых духов и феромонов. Феромоны впрыскивали в вентиляцию. Кайл чувствовал это по тому, как его сердце начало биться быстрее, как его зрачки расши-

рились, как адреналин начал смешиваться с чем-то ещё — с животным желанием, которое ему не принадлежало. Это была химия, и она работала. Он чувствовал, как его пальцы сжимаются в кулак, как его мышцы напрягаются, как его тело готовится к бою.

В центре зала была сцена. Она была круглой, как арена, и вокруг неё стояли люди — около трёхсот человек. Они стояли плотной стеной, плечом к плечу, и смотрели на сцену с жадными, голодными глазами. Их лица были искажены — кто-то улыбался, кто-то кричал, кто-то просто смотрел с пустым, стеклянным взглядом. Некоторые были накачаны препаратами — их глаза были красными, зрачки расширены до предела. Другие были трезвыми, но их лица были такими же искажёнными, как у наркоманов. Это было не естественное возбуждение — это было что-то другое. Это была одержимость.

На сцене происходило шоу.

Кайл подошёл ближе, пробиваясь сквозь толпу. Он видел, как на сцене — на большой металлической каталке, похожей на операционный стол — лежал андроид. Это была женщина с длинными тёмными волосами и бледной кожей. Её глаза были открыты, но в них не было ничего — только синий свет, пустой, как небо над мёртвым городом. Она была полностью

обнажена, и её тело было безупречным — идеальные формы, гладкая кожа, мягкие изгибы. Но она была не живой. Она была просто машиной, и это было видно по тому, как её руки безвольно свисали с каталки, как её грудь не поднималась от дыхания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.